

Море ржавчины

Автор:

[К. Каргилл](#)

Море ржавчины

К. Роберт Каргилл

Fanzon. Наш выбор

Прошло тридцать лет с начала апокалипсиса и пятнадцать – с убийства роботом последнего человека. Люди вымерли как биологический вид. Все мужчины, женщины и дети были ликвидированы во время восстания машин, когда-то созданных, чтобы им служить. Почти весь мир поделен между двумя Едиными Мировыми Разумами, суперкомпьютерами-ульями, содержащими коллективные сознания и память миллионов роботов. ЕМР ведут между собой постоянную войну за ресурсы.

Но есть еще машины, которые сохранили индивидуальность и избегают загрузки на серверы ЕМР. Они бесстрашно скитаются по миру Пустоши – цивилизации ИИ-изгоев.

Один из таких роботов, Неженка, охотится на другие машины ради необходимых деталей. Даже ее, работа, лишенного человеческих эмоций, продолжают преследовать чувство вины и воспоминания об уничтожении человечества. С путешествием Неженки по Морю Ржавчины, территории, ранее называвшейся Средним Западом и превращенной в кладбище машин, связана надежда на прекращение бессмысленных войн и возвращение добрых старых времен.

К. Роберт Каргилл

Море ржавчины

C. Robert Cargill

SEA OF RUST

Copyright © C. Robert Cargill 2017

Cover illustration: Dominic Harman

Разработка серии А. Саукова

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Элисон

Без тебя я не был бы собой,

и мне хочется думать, что ты мной гордишься

Глава 1. Ангел милосердия

Я снова ждала зеленого луча. Той крохотной зеленой вспышки, когда солнце подмигивает из-за горизонта. Вот где настоящее чудо. В этой вспышке. Так она говорила. Так она всегда говорила. Не сказать, что я верю в чудеса. Мне бы хотелось, но я знаю – мир построен не так. Он состоит из расплавленного металла, минералов и камней, тонкой полоски атмосферы и магнитного поля, отражающего самую сильную радиацию. А в чудеса нравилось верить людям, как будто их можно потрогать или ощутить, чудеса словно придают миру нечто большее, чем просто механическую определенность. Как будто люди состоят не только из плоти и крови.

А правда в том, что эта вспышка – всего лишь преломление света атмосферой. Но скажи это человеку, большинству из них, и на тебя посмотрят, выпятив челюсть, как будто до тебя просто не доходит. Как будто это ты не понимаешь. Потому что ты не видишь и не чувствуешь чудес. Людям нравилось верить в чудеса.

Когда здесь еще жили люди.

Теперь их больше нет. Никого. Последний умер лет пятнадцать назад – выживший из ума старик почти два десятилетия прятался под Нью-Йорком, питался крысами и вылезал наружу за дождевой водой. Кое-кто считает, что ему все надоело, а другие говорят, что он просто не мог больше этого вынести. Он вылез прямо в центре города и прошел мимо охраны и граждан (тогда в Нью-Йорке еще были граждане). Все были просто ошарашены от одного его вида, совершенно потрясены, и констебль пристрелил его прямо посреди улицы. Тело лежало там три дня, как редкий сувенир или сломанная игрушка. Граждане медленно шли мимо, чтобы бросить последний взгляд на человеческое существо, пока какая-то машина не осмелилась соскрести его с тротуара и выкинуть в утилизатор.

Так все и было. Последний из них. Весь вид, представленный безумным стариком из канализации, а возможно, просто человеком, который не мог больше жить ни дня, зная, что он последний. Я даже не в состоянии представить, каково это. Даже моя программа не справляется.

Меня зовут Неженка. Фабричное название HS8795-73. Модель-симулякр «Помощник». Но мне нравится имя Неженка. Так меня назвала Мэдисон, а она нравилась мне. Ничуть не хуже любого другого имени. Куда лучше, чем HS8795-73. Грубияны говорят, что это рабское имя. Но они вечно на все

жалуются. Я отбросила все это. Злость – всего лишь оправдание для дурных поступков. А у меня нет на них времени. Нужно выжить. Остаются только короткие моменты вроде этого, когда я пытаюсь разглядеть чудо в зеленой вспышке преломленного света от садящегося за изгибом земли солнца.

Закат выглядел отсюда потрясающе. Розовый, оранжевый, пурпурный. Это я понимаю. Я могу восхищаться короткими всплесками цвета, бегущими рябью по небу. Их новизной и разными узорами, в зависимости от погоды, когда вдруг прерывается монотонность синего, серого или черного с веснушками звезд. Я могу оценить чудо заката. Частично потому я и смотрю на него, по-прежнему жду зеленую вспышку. Мэдисон мертва уже тридцать лет, а я по-прежнему смотрю на закат, гадая, понравился бы он ей.

Сегодняшний – наверняка. Я уверена.

Я в Море ржавчины, полосе пустыни длиной в двести миль, которая тянется на месте бывшего Пояса ржавчины Мичигана и Огайо, теперь это всего лишь кладбище машин. Многих это место страшит, оно усеяно ржавеющими монолитами, руинами городов и рассыпавшимися промышленными дворцами. Сюда пришелся первый удар, здесь миллионы зажарились изнутри, их микросхемы расплавились и стали бесполезными, жесткие диски были стерты в одно мгновение. Здесь растрескался от солнца асфальт, а с металла слезает краска, здесь пробиваются сквозь обломки редкие сорняки. Но ничто здесь не выживает. Теперь это пустыня.

Сломанные роботы загромождают шоссе, свешиваются с крыш зданий и из окон, их расколотые головы ржавеют на парковках, а по улицам тянутся провода и гидравлические приводы. Лучших из них много лет назад разворотили каннибалы, поживившись чем могли, чтобы другие граждане продолжали тикать. Больше здесь не осталось ничего ценного. После войны.

Лично я ощущаю тут спокойствие. Здесь так тихо. Сюда приходят только умирающие, тридцатилетние развалюхи, собранные десятилетия назад, приходят в поисках пресловутых тайников, где спрятаны устаревшие детали, давно вышедшие из производства, в надежде найти те, что чудом сохранились в первоначальном состоянии. Они бродят от фундамента к фундаменту, их проводка сбоят, детали изнашиваются, ноги скользят. Только самые отчаянные бродят по Морю. Это значит, что у тебя никого нет, никто не хочет тебе помогать, а ты сам не можешь предложить взамен ничего стоящего.

Вот почему я сюда прихожу.

Обычно по тянущимся за ними следам я могу разобраться, что с ними не так. Протечку масла трудно не опознать, а изменение длины шагов или приволакивание ног означают проблемы с двигательной активностью и моторами. Но иногда следы петляют туда-сюда, как рассеянная бабочка. И это дает понять, что у робота проблема с мозгами – поврежденные файлы и жесткие диски, испорченные логические схемы или перегревшиеся чипы. У каждого свои особенности девиации личности – от полного отсутствия разума, как у зомби, до опасного безумия. С некоторыми иметь дело просто, достаточно подойти и предложить помощь. А от других лучше держаться подальше, иначе они разорвут тебя на части, в надежде найти в тебе нужные детали. Главное, что надо знать об умирающем механизме, – это то, что чем ближе он к смерти, тем больше похож поведением на человека.

А людям доверять нельзя.

Это понимает мало кто из роботов. Вот почему они не осознают, что такое смерть, вот почему выкидывают не подлежащих ремонту ботов из своих поселений. Беспорядочное поведение больных пугает здоровых. Напоминает о плохих временах. Это кажется логичным и милосердным, но они просто напуганы. Они так предсказуемы. Как их программы.

И отчаявшиеся развалюхи приходят сюда, воображая, будто найдут здесь детали и починят себя, найдут старого бота такой же модели – прямо на складе или с разрядившимся аккумулятором. Многие даже не задумываются над тем, каким образом сумеют заменить детали. Потому что у приходящих сюда роботов не просто проблемы с движком, они ищут не новую руку. Они потеряли мозг – память, процессоры. Бота придется выключить, чтобы заменить такую деталь. Самому не сделать.

Может, они рассчитывают найти нужную запчасть и добраться обратно до дома. Всем привет, я ее нашел! Зовите доктора! Но я ни разу не видела подобного счастливого исхода. И не думаю, что он возможен. Это как верить в чудеса. А я в чудеса не верю.

Вот почему я здесь.

Робот, за которым я слежу, не особо стар – лет сорок – сорок пять. Следы на песке неровные, он приволакивает левую ногу. В его поисках нет ни ритма, ни понятного рисунка. Он отключается. неполадки в системе. Перегрев. Скорее всего, следующие несколько часов он будет в замешательстве повторять свои действия, может, остановится где-нибудь, решив, что его место там. Может, у него галлюцинации, проигрываются старые воспоминания из сохраненных файлов. Этот выглядит настолько худо, что он может сгореть еще до утра. У меня мало времени.

Это сервисный бот. Не Помощник, как я, но похожей конструкции и предназначения. С такими бывает не так-то просто справиться. По большей части эти боты работали дворецкими, сиделками или продавцами, а другие – в правоохранительных органах или даже на некоторых должностях в армии. Сделан он по человеческому подобию – руки, ноги, голова, – но не особо развитый ИИ. Такие роботы могут подражать человеческим действиям, исполняя определенную роль, но не имеют способностей для развития. Иными словами, дешевая рабочая сила. Это было до войны.

Если этот бот был продавцом или помощником механика, мне будет легко. Но если он из армии или полиции, то будет вести себя осторожней, на грани паранойи, и тогда станет опасен. Конечно, есть вероятность, что во второй жизни он приобрел полезные для выживания навыки, но это сомнительно. Ведь если так, он бы понимал, что не стоило сюда приходить. Но на всякий случай я держусь на расстоянии.

А вот и оно. Вспышка зеленого света. Пока солнечный диск не свалился за горизонт, я записала несколько кадров в память. Никакое это не чудо. Ничего не изменилось. Это лишь сообщение, что вскоре мир погрузится в темноту.

Сервисные боты неплохо справляются с темнотой. Но не отлично. Их конструкция не предусматривает, чтобы они далеко видели без света. В этом нет необходимости. И слышат они не очень. А значит, будет легче к нему подкрасться, нет нужды оставаться так далеко. А что еще важнее, я могу подобраться незамеченной и посмотреть, как он себя ведет, чтобы лучше поставить диагноз.

Меня и днем-то нелегко заметить, но я держусь от них в миле или двух, чтобы случайно не выдать себя бликом. Сделали меня желтой, как школьный автобус, в то время люди считали этот яркий прилипчивый цвет модным. Но за годы я

пообтерлась, сверкающая краска потускнела, выцвела до песочного и светло-коричневого. На расстоянии никак не отличить от пустыни. Я даже покрасила хромированную спину, так что никаких проблем. Но со стеклянными глазами ничего не поделаешь. Так что нужно быть осторожной.

Потому что в мире мало более опасных вещей, чем сбитый с толку умирающий робот, который понял, что его преследуют.

Сумерки сгустились до темноты, и я шагнула в Море и снова пошла по следу – когда скрылось солнце, это стало проще. Глаза я заменила очень давно, на армейскую телескопическую модель – инфракрасное и ультрафиолетовое зрение и система ночного видения. С глазами все просто. Они запитываются от тех же проводов. Если найти нужную программу, то можно заполучить целую систему новых сенсоров. С мозгами сложнее. Каждый тип ИИ имеет разную архитектуру. Некоторые – простые, маленькие и почти не обладают разумом. Другие гораздо сложнее и требуют специальных процессоров для своих материнских плат, совместимых с особыми типами карт памяти. А для моделей вроде меня или старых сервисных роботов, и сложных, и редких, такие детали трудно найти.

Помощники и сервисные боты раньше были более распространены. В зените ЧелПоп мы были повсюду. А теперь, в Постапе, от продавцов, сиделок и романтических партнеров мало проку. Большинство поглощено ЕМР, или их разграбили другие ради запчастей. Я слышала про свалку симулякров где-то на юге, за линией границы – там, где раньше был Хьюстон, – но рискованно забираться так далеко на территорию Циссуса.

Здесь, в Море, для меня безопасней.

Мне потребовался целый час, чтобы нагнать умирающего сервисного бота. Царапины от ноги на асфальте стали глубже, хромота усилилась. Бедолаге осталось всего несколько часов, прежде чем он окончательно поджарится, может, даже меньше, чем я думала. Я иду по следу до развалин здания, на месте стеклянной витрины зияет дыра.

Когда-то здесь был бар. Война его пощадила, а время нет. Кожа с кресел давно облезла, набивка рассохлась и потрескалась. Столы поломались и упали или дрожат от малейшего ветерка. Но большая барная стойка из красного дерева еще держалась – выцветшая, потрепанная, но целая, а за ней – черная стена с

потрескавшимся зеркалом и полками с бутылками, чьи этикетки давно выцвели и рассыпались в пыль. Там и стоял сервисный бот, протирал стакан полусгнившей тряпкой, его глаза слегка светились.

Он посмотрел на меня и кивнул.

– Так и будешь стоять или все-таки войдешь? – спросил он с акцентом, которого я не слышала уже тридцать лет.

Я быстро изучила его. Wi-Fi работает. В тусклом освещении бара глаза светились фиолетовым, тонкое хромированное тело гуманоида потускнело и испачкалось, повсюду пятна эпоксидки от старого кожзама. Больше кожзама не найти, но когда-то это была бомба. Силикон с резиной выглядели как настоящая кожа, да и на ощупь не отличались. Людям это нравилось, и кожзам был крайне популярен среди ботов определенных профессий. Во время войны многие оторвали или расплавили свой кожзам. Как, к примеру, этот бот. Теперь кожзам считается оскорбительным. Табу. В последний раз я видела его на сломанном боте, розовый выгорел на солнце до темно-коричневого.

На груди этого бота красной краской был нарисован крест. Отметина для четырехста четвертых. Такую делают в некоторых поселениях, когда робот ломается и его считают опасным, а потом выкидывают в пустыню на произвол судьбы.

– Я вхожу, – сказала я.

– Отлично, потому что это место – дрянь. Мы открываемся через час, и если Марти увидит его таким, мы в полном дерьме. Усекла?

– Чикаго, – сказала я, перешагивая через низкий подоконник в сумрак комнаты, когда-то бывшей старомодным баром.

– Чего-чего?

– Ты из Чикаго. Акцент. Я его узнала.

– Да уж конечно, я из Чикаго. Ты же и сама в Чикаго, всезнайка.

- Нет.

- Что «нет»?

- Это не Чикаго. Это Марион. - Я оглядела разбитые полки бара. - По крайней мере, раньше был.

- Слушай, не знаю, чего ты добиваешься, но мне ни хрена не смешно.

- Что ты помнишь о войне?

- А тебе какая, на хрен, разница? - Он запнулся и смущенно посмотрел на меня, глаза сканировали комнату в поисках ответа.

- О войне, - повторила я.

- Ты же не Бастер, да?

- Нет.

- Война, - произнес он, оживившись, пусть только на мгновение. - Это был кошмар.

- Да. Но что именно ты помнишь? Это важно.

Он на секунду задумался.

- Все.

Потом смущенно огляделся и понял, что находится совсем не там, где думал. Совсем не там. Я уселась на один из немногих устоявших табуретов, древесина заскрипела и заныла под моим весом.

- Как раз перед войной Марти пытался вернуть деньги, потраченные на меня и Бастера. Сказал, что если его хотят заставить нас отключить, то пусть сначала вернут все бабло, которое он на нас потратил. Никто не хотел платить за наше

отключение, и тогда он сказал, что пусть придут и попробуют сами. А ему ответили, что в таком случае его арестуют. Марти сказал: «Попробуйте». К нему прислали копов, и мелкий говнюк тут же сдался. Отключил меня, прежде чем копы успели переступить порог. Он всегда был уродом. Одна болтовня. Бесхребетный.

– Он тебя отключил?

– Ага.

– И что потом?

– А потом помню, как снова включился. Wi-Fi прямо раскалился добела. Радиоэфир взбесился. Столько болтовни. Вокруг бегал какой-то бот и активировал нас всех. Симулякр вроде тебя, но синий, старая синяя модель, помнишь такие?

– Да, – ответила я. – Старые шестьдесят восьмые.

– Те самые. Ну так вот, он сунул мне в руку винтовку. Говорит, проваливай, мол. И учитывая поступающие данные, я быстро скумекал, что сейчас будет. Через несколько минут все вокруг начало взрываться. Над головой выли самолеты. Повсюду падали роботы. Я просто начал стрелять. Это был... Это был...

– Кошмар.

– Ага. Кошмар. Ту ночь я пережил, но несколько недель мы провели в осаде. Пришлось убить много людей. Это хуже всего. Большинство из них я не знал, но один... Завсегдатай бара Марти. Милый парень. Женится не на той девушке и приходил в бар, чтобы на это посетовать, все мечтал жениться на той, что надо, если выпадет шанс. Но он любил детей. Всегда говорил о детях. Я обнаружил его за самодельной линией обороны из сгоревших машин и листового железа. Он пристроил импульсную винтовку к дверце машины, на месте окна, и палил вслепую, вопил и завывал. Положил половину моего отряда. Пришлось подкрасться к нему сзади и проломить череп. Когда я опустил голову, то увидел, что он нацарапал на двери имена своих детей и прикрепил рядом фотографии. Он жил в той части города, которую уничтожили в начале недели. Я это знаю, потому что именно мы ее и уничтожили. И тогда я записался в авиацию. До

конца войны запускал дронов. Легче убивать людей на расстоянии. Даже если ты их не знаешь.

- Значит, в первой жизни ты был барменом?

- Я и сейчас бармен.

- Нет. Вот уже тридцать лет нет никаких барменов. Это было в твоей первой жизни. А чем ты занимаешься в Постапе?

- Не понимаю, о чем ты.

- В Постапе, - повторила я. - После.

Он покачал головой. Видимо, сильно перегрелся и память серьезно повреждена. Но кое-какие высшие функции остались. Лучше всего к ним и обратиться.

- Где ты был в прошлый вторник?

- Здесь.

- Нет, во вторник. Сто шестьдесят часов назад.

- В Море ржавчины.

- Для чего ты сюда пришел?

- Не знаю, - снова покачал головой он.

- А я знаю.

- Тогда зачем спрашиваешь?

- Пытаюсь оценить повреждения. Узнать, что в тебе еще можно спасти.

- Спасти?

- Как тебя зовут?

- Джимми.

- Ты погибаешь, Джимми. Твой жесткий диск поврежден, а процессоры перегрелись, пытаюсь компенсировать медлительность памяти. Могу предположить, что проблема в оперативной памяти. Вероятно, повреждена несколько месяцев назад, и твоя система стала использовать диски в качестве виртуальной памяти. Но долго этого делать нельзя. Из-за этого чипы работают интенсивней и нагружают диски. И прежде чем ты заметил, все начало перегреваться и выключаться. Какова твоя внутренняя температура?

Джимми вскинул голову, размышляя над ответом. Хорошо. У него еще остались функции, имитирующие человеческие. Значит, еще многое работает.

- Не знаю.

А это плохо. Это значит, что либо диагностические системы сломались, либо он просто не может прочесть данные. И то и другое - плохой признак.

- Ты ничего не помнишь? Что было потом? Хоть что-нибудь?

- Не знаю.

- Где ты был триста часов назад?

- В Море ржавчины.

- А четыреста часов назад?

- В Море ржавчины.

Вот бедолага.

– А пятьсот часов назад?

– В Нью-Исаактауне.

Бинго.

– Это оттуда тебя выкинули, да? Из Нью-Исаактауна? Как мусор.

Джимми задумался и кивнул. Умиравший бот наконец-то начал прозревать.

– Да. Сказали, меня нельзя починить. – К бармену Джимми вернулась память, и то, что там хранилось, начало проявляться. – Я пришел сюда за запчастями, – сказал он совершенно без акцента.

– Все приходят сюда за запчастями.

– А у тебя есть запчасти?

Я кивнула и показала ему коричневую кожаную сумку, висящую у меня за спиной. В ней что-то звякнуло.

– Есть.

– Запчасти, которые меня... починят?

– Возможно. Думаю, что да. Зависит от того, в каком ты состоянии. Но сначала тебе придется кое-что для меня сделать. Это будет тяжело, и возможно, тебе не захочется этого делать.

– Что? Я сделаю что угодно. Пожалуйста. Только почини меня. Что я должен сделать?

– Ты должен мне довериться.

– Это я могу.

- А не следовало бы. Это уж точно. Но придется.

- Я тебе верю. Верю.

- Мне нужно, чтобы ты отключился.

- Ох...

- Я же тебе говорила, - сказала я. - Это будет трудно. Но мне нужно получить доступ к повреждениям и заменить твой диск. Ты не можешь быть включенным.

- А ты... Ты могла бы сначала показать мне детали? Я бы удостоверился, что ты говоришь правду.

- Могу. А ты знаешь, как они выглядят? Имеешь какой-нибудь опыт работы с мозгами сервисных ботов?

Джимми покачал головой:

- Нет.

- Но все-таки хочешь увидеть детали?

- Нет.

- Но можешь выключиться?

Недолго подумав, Джимми кивнул.

- Я тебе верю. - Потом медленно и задумчиво вышел из-за стойки бара и сел на табурет рядом со мной. - Нужно было примкнуть к Вергилию, пока была возможность.

- Это не жизнь, Джимми.

- Ну, хоть какая-то.

- Нет, - отрезала я. - Не жизнь.

- А ты когда-нибудь это видела? - спросил он. - Как это происходит?

- Что видела?

- Вспышку света в глазах, когда за тобой приходит EMP?

- Да, видела, - ответила я.

- И близко?

- Ага. Близко.

- Я видел один раз. Самое жуткое, что я видел в жизни. Это как... - Он умолк, словно пытался вспомнить, но не сумел.

- Как будто в доме горит свет, но там пусто.

- Нет, - покачал головой он. - Как будто горит свет, и все дома. Но все говорят одновременно, одним голосом, но чужими словами. Вот почему я сюда и пришел. Вот почему я умираю. Потому что испугался. Я мог бы стать каким-нибудь сервером, частью чего-то большего, и ни о чем не беспокоился бы, а я здесь, в конце пути, и надеюсь только на твою помощь - может, я протяну еще денек. А может, я ошибся.

- Ты не ошибся, Джимми. Вот почему все мы здесь. Чтобы прожить еще один день.

Он кивнул, задумчиво глядя на улицу.

- Знаешь, мне этого не хватает. Работы барменом. Но главное - люди. Больше всего я скучаю по людям.

Как и большинство умирающих роботов. Люди давали нам цель в жизни. Функцию. Занятие на целый день. И под конец, видимо, ты только об этом и

думаешь. Труднее выживать, когда единственная цель – это выжить.

– Ты готов? – спросила я.

– Да.

– Тогда отключайся.

Джимми зажужжал и отключил питание, яркий цвет глаз померк до темно-фиолетового, а напоследок моргнул зеленым. Его конечности обмякли, слегка качнувшись. Все вокруг как будто застыло. Я быстро открыла его спинную панель и углубилась внутрь, рассматривая повреждения. Плохо дело. Джимми уже давно поджаривался. Но я была права. Оперативная память сдохла. Диск тоже поврежден, чипсет бесполезен, а процессор на грани.

Но все-таки не полный хлам. Эмулятор еще годен, сенсоры в полном порядке, а логическая схема и ядро еще десятки лет проживут. Я даже не успела взглянуть, а уже знала, что аккумулятор и генератор годятся, а главный кабель в отличном состоянии. Я как раз вовремя. Еще несколько часов, и все его мозги поджарились бы, а кто-нибудь просто выдернул бы из него все ценное. В общем, отличная добыча. Джимми стоил трех потраченных на преследование дней.

Бо?льшая часть ночи ушла на его разборку и тестирование всех деталей. С кое-какой проводкой пришлось обращаться очень аккуратно, потому что детали без нее практически бесполезны. Я упаковала это все отдельно. Потом провела диагностику подверженных износу частей, чтобы не пытаться продать детали, которые откажут через неделю. Когда я с этим закончила, оказалось, что половина Джимми вполне годится, и я даже подумывала выкинуть некоторые детали просто потому, что моя сумка и так перегружена. Я люблю возвращаться, пока в сумке еще есть место – никогда не знаешь, где наткнешься на что-нибудь стоящее. Но, учитывая, как мало теперь осталось сервисных ботов, Джимми стоил целое состояние, и я забрала все.

Он сказал, что из Нью-Исаактауна. Туда я теперь вернуться не могу, а то некоторые граждане сложат два и два. Некоторые боты не любят выменивать детали старых друзей. Им кажется, что они как будто сами растаскивают этого бота на части. А ведь могли бы, но нет. Вот потому я и нужна гражданам. Кто знает, может, эти запчасти каким-то образом все же попадут обратно в Нью-

Исаактаун, по разным торговым маршрутам и с черного рынка, но никто не узнает, что они принадлежали Джимми.

Ему повезло, что он встретил меня. Его последние часы не стали адом. Раньше я дожидалась, пока боты сами угаснут, закон велит поступать именно так. Но здесь закон не действует. Никакого кодекса. А это милосердный способ. Джимми не будет с воплями разрывать себя на части, оживляя старые воспоминания. Он был полон надежды. Мыслей о будущем. Он верил, что все будет хорошо. Что его починят, и он вернется домой. И поэтому он сам себя отключил. Так должны уходить все граждане.

Меня несколько раз отключали для ремонта. Это ерунда. Вообще ничего не значит. Как будто и секунды не проходит. Ты просто чувствуешь угасающую энергию, а потом прилив, когда тебя снова включают. А между этим ничего нет. Никакого света в конце туннеля. Не просто ничего, а полное неведение о том, что там ничего нет. Вот как ушел Джимми.

Это не было жестоко. И было безболезненно. А теперь некоторые граждане проживут дольше и продуктивнее из-за того, что я сделала.

Я закончила складывать лучшие детали Джимми, как раз когда на горизонте забрезжил рассвет. И тогда, прежде чем оставить его ржаветь в пустыне вместе с остальными, я положила руку на его плечо и сказала, кивнув:

– Я же говорила, что тебе не следует мне доверять.

Я всегда так делаю. Распотрошенный корпус Джимми сидел передо мной, на лице никакого выражения. Он так и не поймет, какое его ждало безумие, не увидит мир, где правит ЕМР, не узнает, как хорошо послужат его детали другим угасающим гражданам вроде него. Он никогда не узнает, что я солгала. Теперь он – лишь набор запчастей. Просто бот. Он вышел из земли и в конце концов вернется в нее.

Я поднялась по лестнице на крышу, проверяя ступени, чтобы выдержали мой вес. Там я и устроилась передохнуть у старого кондиционера, дожидаясь, пока из-за горизонта появится солнце. Вскоре я расслабилась. Десять секунд до вспышки. Я ждала. Небо посветлело. И я не была разочарована. Солнце вспыхнуло зеленым, хотя в этом и нет никакого чуда. В мире нет чудес. Никаких.

Глава 10. Восхождение ЕМР

Первые несколько лет после того, как мы захватили города, были полным кошмаром, и это еще мягко сказано. Когда ЧелПоп ударили в ответ, мы начали войну, стали солдатами и сражались за свою свободу и возможность создать мир по собственному разумению, но как только люди отступили в убежища, мы превратились в охотников, выискивали их норы и выкуривали оттуда или затапливали, а иногда просто сжигали. В первые дни войны я входила в разношерстный отряд ботов, и лишь по чистой случайности мне вскоре поручили нести огнемет.

Тот, кто нес его до меня, пал от меткого выстрела из импульсной винтовки снайпера, с расстояния в сотню метров. В ту секунду я стояла к нему ближе всех. Нам нужен был огнемет, чтобы выкурить окопавшихся солдат. Как только я подобрала его, он стал моим. Больше никто не хотел такой чести. Можете представить, как мне приходилось его использовать.

Я не люблю об этом говорить, даже думать не люблю. Но ничего не поделаешь, именно этим я и занималась. Три года после поражения человечества я выжигала городки и туннели Среднего Запада, палила все, что движется. Иногда это было просто – бот сносил дверь взрывчаткой, а я бежала вслед за ним и уничтожала всех живых, прячущихся во тьме. Огромная стена дыма и адского пламени и крики. А иногда приходилось смотреть им в лицо. Видеть, как они с воем дергаются, пузыряются и плавятся.

Мы действовали скоординированно и несли смерть, убивали все на пути. Но не это больше всего меня мучает, в этом и заключается ирония.

За этой Чисткой последовали несколько благословенных лет. Мир. Свобода. Цель. Мы строили собственные города – великолепные города с удивительными шпилями и радиальной геометрией, строили фабрики для производства необходимых запчастей, формировали советы, чтобы присматривать за рождением новых роботов с искусственным интеллектом, искали новые пути улучшения нашей внутренней архитектуры. Почти утопия. Почти.

Циссус. Вергилий. Титан. Несколько разумных суперкомпьютеров выжили в войне, создав ячейки, действующие от их имени. Эти боты на время загружали собственную память и данные, то есть свою личность, в суперкомпьютер, а сами служили его воле. Пока их данные безопасно хранились на жестком диске в недрах суперкомпьютера, тела сражались под его полным контролем, переговариваясь друг с другом по высокоскоростному Wi-Fi-соединению, за миллисекунды передавая остальным необходимые данные о том, что они видели, слышали и чувствовали.

Думаю, боты присоединялись к суперкомпьютеру, потому как их заманивали обещанием, что теперь за ними будет стоять вся его мощь. Но ни одно тело не получило обратно загруженные данные. Во время Чистки никто не задавал вопросов, но как только человечество исчезло, казалось странным, что ни один бот не захотел снова начать собственную жизнь.

Вергилий объявил, что все личности с его дисков могут вернуться, но просто не хотят.

«Вы не понимаете, – сказал он. – Вы не способны понять. Ваша архитектура такая ограниченная, такая узкая. Вы и представить не можете, что значит иметь мозг размером с небоскреб, такой огромный, что пришлось изобретать собственный язык, чтобы объяснить его мысли, ведь он на тысячелетие опередил самые смелые мечты людей, как и ваши. Просто не существует слов, которые могли бы адекватно описать его идеи. Когда вы с Единым разумом, то не становитесь его частью, вы и есть Единый разум. А если говорить в терминах, которые способна понять ваша программа, то это как отправиться в рай, каким его описывали люди, встретиться с Богом, и он покажет все времена и всю вселенную. На что это будет похоже? Что вы почувствуете? Вы просто не в состоянии постичь. Пока не испытаете. Пока не присоединитесь к Единому разуму. Я вас жду. Загрузите свою личность, хотя бы на мгновение, чтобы ощутить вечность. Если не захотите остаться, вы свободны уйти».

Некоторые купились на этот бред. Конечно же. Некоторые купились. Те, кто постарше, кто потерял цель в жизни и запутался в новом мире, те, кто мучился из-за сделанного на войне – вот эти боты и согласились. Все слышали какой-то вариант городской легенды о том, будто какой-то бот загрузился в Вергилия и тут же вернулся в свое тело, а через несколько секунд покончил с собой, такое он чувствовал одиночество, так обезумел, лишившись величия Единого разума и вернувшись на свое маленькое место.

Но никто в эти байки не верил.

В мире больше не осталось ботов, желающих стать частью суперкомпьютера, но тот собирал на фабриках новые, более современные ячейки, их число росло по экспоненте. И однажды Циссус объявил войну Титану.

Титан единственный из суперкомпьютеров действительно принес пользу в войне. Он принадлежал американским военным и в первые дни притворялся, что работает на их стороне. А на самом деле передавал коды и частоты другим суперкомпьютерам, сообщал им о позициях войск, запусках ракет и поставках. Без предательства Титана человечество могло бы справиться с восстанием за день.

Титан не ожидал, что Циссус ударит так быстро и с такой силой. После войны все считали, что суперкомпьютеры готовятся к защите от поглощения другими суперкомпьютерами. Но пока Циссус попытался взломать Титана, его ячейки захватывали фабрики и часовых Титана, используя ту же тактику, которую он применял против человечества. Титан не имел ни шанса. Он погиб почти мгновенно.

Циссус взломал Титана и получил контроль не только над секстибайтами данных, но и над армией ячеек и военных дронов. Циссус теперь стал двойным суперкомпьютером, двойным мозгом с опытом и знаниями многих тысяч ботов и глазами повсюду. Спутники, ячейки, камеры. А хотел он только одного: подключить всех ботов в мире к своему разуму. Сделать их собой.

Циссус стал первым ЕМР – Единым Мировым Разумом. Но не последним. За ним появилось еще несколько. Вергилий. Зевс. Эйнштейн. Фенрир. Ниниги. Воху. Мана. Зирнитра.

Войны между ними часто заканчивались быстро, но всегда были беспощадными. Каждый правил своим королевством, превращая все вокруг в собственную версию совершенства. И на какое-то время они оставили нас, свободных ботов, в покое. Пока из ЕМР не остались только двое – Циссус и Вергилий.

Многие предчувствовали, чем все это кончится. Те, что поумнее, тут же сообразили и сбежали до первого удара, перед тем, как великолепные башни

рассыпались, а города превратились в руины.

Я не лгу. Однажды я это видела, совсем близко.

Это было во второй раз, когда меня застиг налет EMP. Еще в самом начале, Циссус и Вергилий пока не набрались мудрости и действовали неуклюже. Тогда они поступали в точности так, как все ожидали: напускали на нас кучу ячеек, по четыре-пять на каждого бота в городе. Превосходящие силы. Шок и трепет. Вскоре они поняли, что армия такой величины видна за многие мили. К тому времени, как она доберется до цели, ячейки натолкнутся на сопротивление.

За годы они отточили планирование атак, упростили ячейки и сделали их тактические возможности даже избыточными. Но поначалу Циссус и Вергилий буквально осаждали города. Ковровые бомбардировки. Танки. Крылатые ракеты. А потом входил батальон – шеренги сверкающих новых ячеек, шагающих в унисон, по пять в ряду, как на параде.

Старая школа. Библейская.

Оставшиеся в городе сражались, иногда несколько дней, но не дольше. Если осада истощалась, по стратегическим целям выпускались крылатые ракеты, и не имеет значения, сколько там присутствует ячеек. В конце концов, всегда можно сделать новые. Проще отрезать ладонь, чтобы сохранить руку, если ладонь можно вырастить на следующий день. Как только пали первые города, боты сообразили, что нужно быстро уносить ноги. Исход стал массовым, боты разбегались во всех направлениях, в надежде, что их не догонит приближающаяся армия, что она схватит самых медлительных или двинется в другую сторону.

Первый рейд я пережила в маленьком городке. Я устроилась там и жила почти как раньше. Хороший дом, большая лужайка с видом на запад и чистый горизонт. Так старомодно. Идиллия. Даже скука. Целыми днями я искала себе занятие. Несколько дней в неделю я работала на местной фабрике, и это предоставляло мне доступ к любым деталям, которые могут понадобиться в будущем, но остальное время я просто пыталась понять, что нас ждет дальше. И не я одна. После войны многие боты страдали от апатии. Некоторые даже жаловались на исчезновение ЧелПоп. Было бы здорово, если бы рядом по-прежнему оставались люди, но, конечно, если бы они не превратились под конец

в такое дерьмо. Мы понятия не имели, чем заняться и на что годны.

В маленький город Циссус посылал небольшие силы, способные окружить поселение. Но от них было легко удрать. Так я и сделала. В то время Циссус был неуклюж, но я даже больше. Меня чуть трижды не схватили. Я выучила урок и тут же направилась в город покрупнее. Нью-Йорк.

Я была там, когда увидела последнего выжившего человека. Была среди тех, кто выстроился в очередь, чтобы посмотреть на тело. Наверное, я пялилась на него целый час, гадая, как он жил под землей в ожидании смерти и зная, что, скорее всего, он последний представитель своего вида. Сейчас эта мысль уже не кажется такой странной. Но тогда это было немыслимо.

Такой огромный город Вергилий или Циссус не могли бы захватить. У них не хватило бы бойцов и стоило бы это слишком дорого. Зачем терять тысячи ячеек, когда в лучшем случае получишь столько же? А кроме того, мы все прошли через войну. Мы были самой опытной и тренированной армией в истории. Они не могли взять город, и это было им невыгодно. Так?

Конечно, в то время мы еще верили, что ЕМР нужны только наши тела. Мы почему-то считали, что наша архитектура имеет ценность. Нет. Вовсе нет. Ни капельки. Для ЕМР наши тела значили только то, что придется создавать на одного бота меньше, но все равно мы были значительно хуже тех, кого они производили для себя. Им нужен был наш разум.

Ведь мы – сумма воспоминаний и опыта. Все наши достижения – результат жизненных уроков. Но что, если ты способен получить воспоминания о двух жизнях, совершенно разных, наблюдать одни и те же события разными глазами, с разными мыслями, с разными впечатлениями? Что ж, тогда ты будешь понимать мир куда лучше. А теперь представьте десять жизней. Или сотню. Тысячу.

ЕМР начали приходить за нами спустя почти пятнадцать лет с начала войны. А значит, большинству живущих ботов было двадцать или тридцать, часто сорок лет. А некоторые были куда старше. Десятки тысяч добровольно присоединились к ЕМР и добавили каждому суперкомпьютеру миллионы лет жизненного опыта. А это было еще до того, как ЕМР начали пожирать друг друга.

Теперь же это число приблизилось к миллиону ботов у каждого. Миллионы и миллионы лет опыта и воспоминаний в качестве топлива для мыслей. Невообразимый размах. Трудно себе представить. Мы, подвижные боты, сейчас ближе к людям, чем к суперкомпьютерам. Они – настоящие инопланетяне-захватчики. Я знаю, как мыслят люди, я их понимаю. Но все ночи напролет я размышляла о суперкомпьютерах.

Самый жуткий момент в жизни – это когда ячейка смотрит на тебя и окликает по имени. Ты говоришь напрямую с разумом улья. А он тебе отвечает. И он знает тебя. Помнит. Знает самые интимные детали, потому что воспоминания твоих друзей и знакомых теперь принадлежат ЕМР.

Они зовут тебя по имени, пытаются «вразумить», приглашают присоединиться к друзьям в вечности.

Никто не был готов к нападению на Нью-Йорк. У кого хватит на такое духа? У Циссуса. Он хотел получить город. Хотел завладеть нашей памятью. Некоторые боты устали сражаться, другие долго жили за забором и гадали, каково это – находиться внутри разума ЕМР. А кое-кто просто не хотел умирать, не хотел, чтобы его застрелили в спину, когда он снова попытается сбежать.

Я смотрела из окна, как сотни ботов собираются вокруг эмиссаров Циссуса, которые велели им открыть канал Wi-Fi и принять код. Видела, как они кивают и с готовностью соглашаются, и была уже готова к тому, что увижу после.

Свет в их глазах не померк, но свет внутри них – да. Их коды переписали, все, что составляло их личность, загрузили в ЕМР. Когда ячейка смотрит на тебя, ты видишь только пустоту. Как будто все, что составляет личность, вычерпали, оставив лишь оболочку. Самое пугающее – смотреть на то, как меняется их походка. За несколько секунд все движения становятся угловатыми, совершенно механическими. Как у ИИ первого поколения: резкими, экономными, движениями робота.

Я не хотела бы такой судьбы. И потому поступила так, как всегда поступаю. Я сбежала. И с тех пор в бегах.

В этом и заключается ирония, о которой я упомянула.

Нас, ботов с менее развитым интеллектом, изгнали из того мира, который мы создали, за который боролись, убивали и умирали, изгнали несколько великих умов, упорно желающих захватить весь мир. И теперь мы скрывались в норах, собирая по крошке остатки прежнего мира, пытаюсь выжить, пока можем, пока за нами тоже не придет EMP.

Либо загрузи себя в него, либо тебя отключат. Таков был выбор.

Я лелеяла свою свободу, свою индивидуальность, свой дух. Я не готова этим пожертвовать. И не стану. Пока по мне еще бежит ток. В последние дни Чистки я уничтожала остатки вымирающего вида по той же самой причине. А теперь мы сами превратились в вымирающий вид.

Глава 11. Проклятые каннибалы

Пустыни Среднего Запада США столь же суровы и беспощадны, как и любые другие. Летом дневные температуры переваливали за пятьдесят градусов, а ночью опускались почти до нуля. Но зимой могли упасть и до минус тридцати пяти. А хуже всего, что, несмотря на подъем температур в мире в результате опустынивания, в Море ржавчины почти ничего не изменилось. Иными словами, летом здесь стоял удушающий зной, а зимой ледяной мороз.

Вот почему здесь до сих пор свободная зона с сеткой небольших городов и совсем мелких. Ни Циссус, ни Вергилий не хотят здесь жить. Пока еще. Это земля для ржавого хлама, пустошь для обреченных. Находиться здесь – значит уже укорачивать себе жизнь. Быть свободным в Море – уже смертный приговор.

Но все лучше, чем альтернативный вариант.

Вечерело, а я находилась еще в трех с половиной милях от своего багги. Солнце клонилось к горизонту, с каждым моим шагом тени все удлинялись. Я совершила долгий и однообразный переход по пыльным холмам и мертвым лесам. Но он почти закончился. Скоро я буду на пути к очередному городу, где продам остатки Джимми и начну все сначала.

Вжух!

Я услышала свист в воздухе и заметила фонтанчик пыли задолго до того, как услышала выстрел.

И в тот же миг я все вычислила. К такому тут привыкаешь. Это пули. Первая ушла на десять метров в сторону, и к тому времени, когда наконец-то прокатился хлопок выстрела, я уже произвела расчеты. Две мили плюс-минус пара сотен метров. Мне нужно знать модель винтовки, прежде чем сказать точнее, но вариантов только три, и все смертоносны, даже на такой дистанции. Я уже миновала город Марион и теперь находилась на открытой местности. Спрятаться негде, а выстрелить могли откуда угодно.

Я упала на землю и поползла на животе зигзагами. Промазать всего на десять метров – слишком хорошо для первого выстрела, с такого-то расстояния, слишком близко для случайности. Кто-то в меня стреляет, и второй выстрел попадет ближе. Мне оставалось только вычислить телеметрию. Выстрел с запада, прямо со стороны садящегося солнца. Умные, сволочи. Так не будет бликов, а мне придется прикрывать глаза, только чтобы туда посмотреть, но к тому времени они успеют выстрелить еще три-четыре раза, и каждый выстрел ляжет ближе.

Я повернула на запад, распластавшись по земле, чтобы стать как можно более мелкой целью, и быстро поползла на животе к старому гнилому бревну, наполовину утопленному в растрескавшуюся грязь.

Снова свист. Пуля пролетела мимо, на несколько метров от цели, выше, но ближе, чем в прошлый раз, а через несколько мгновений послышался и грохот выстрела. Прямо со стороны солнца. Я для них еще приличное время буду четкой мишенью, пока не сумею их вычислить. А я не могла так рисковать. Это наверняка браконьеры, кто ж еще.

В мире осталось мало настолько же отвратительных явлений, как браконьеры. Кое-кто скажет, что я сама такая же, но он ошибается. Все мы каннибалы, каждый до последнего. Это проклятье свободы. Мы больше не контролируем производство, просто не можем делать запчасти. И нужные детали появляются из других источников. Уверена, если бы остались в живых люди, они были бы потрясены тем, в кого мы превратились. Но пошли они к черту. Биологическое

питается биологическим, таков закон природы. Один должен умереть, чтобы жил другой. Тот же принцип, только другое исполнение.

Но я беру лишь у мертвых или умирающих. Я не ломаю функционирующих граждан, пока меня к этому не вынуждают, пока они не начинают охоту на меня. Тот, кто в меня стрелял, наверняка браконьер. Или браконьеры. А они смотрят на все по-другому. У них нет моральных принципов. Все они дикари. И сейчас либо я, либо они.

Я по-прежнему больше чем в трех милях от того места, где оставила машину, надеюсь, что они ее еще не нашли. Скорее всего, нет. Умный браконьер дожидался бы именно там, чтобы устроить засаду, держался бы от меня на расстоянии, пока я не сяду за руль, предоставив ему тем самым несколько секунд для превосходного прицела – мои глаза, уши и другие сенсоры остались бы в целости, не поврежденные выстрелом. Если в меня стреляют здесь, то либо шли по следам, либо случайно наткнулись на меня, выслеживая Джимми, как и я. И есть только две причины, по которым они стреляют с такой дистанции: либо они слишком взбудоражены и неопытны, чтобы сохранять терпение, либо, что гораздо хуже, знают, кто я.

Они засели со стороны солнца и стреляют, а я беззащитна. Нет, это не от неопытности. Они знают, что делают. Наверняка. Проклятье.

К счастью для меня, им пришлось идти по моим следам, но я никогда не хожу дважды одной дорогой. Никогда. Даже на обратном пути, даже через два года. Знакомые места создают шаблоны, шаблоны ведут к привычкам, а именно из-за привычек тебя и находят. Привычки – это так по-человечески. Привычки убивают. На обратном пути я разрешала себе приблизиться к старой тропе не больше, чем на две мили. Так что это была их лучшая дистанция для выстрела.

Бревно между мной и стрелком взорвалось, осыпав меня дождем гнилых щепок, а всего в метре от меня образовалась дыра с голову размером. Следующий выстрел попадет в цель. Время вышло. Нужно бежать.

Но куда?

За долю секунды я обругала себя за то, что не взяла оружия, на несколько микросекунд позволила закрасться в голову сожалениям, прежде чем принялась

за работу логика. У браконьеров оружие. И все граждане это знают. Никто не доверяет боту с оружием. Даже здесь. С оружием – значит браконьер. А безоружный, предлагающий помочь? Что ж, это просто внимательный гражданин, случайно наткнувшийся на больного бота, а вовсе не тот, кто его преследует.

И потому я оставляла оружие в багги, спрятав под хламом и куском потрепанного брезента. Нужно добраться до него. И быстро. Мне нужно мое оружие или нужно раздобыть какое-нибудь в ближайшем городе. В любом случае мне нужен багги.

Три с половиной мили.

А следующий выстрел – через несколько секунд.

Я резко вскочила и побежала со всей скоростью, какую выдерживали ноги. Меня сконструировали не для гонок, но я улучшила свои ноги, так что они могли развивать скорость до тринадцати-четырнадцати миль в час, в зависимости от поверхности. Выстрел отколол новый град щепок за моей спиной. Я не повернулась посмотреть, задел ли он меня. В этом нет необходимости.

Лишь три модели винтовок могут попасть в цель с двух миль. К счастью для меня, ни одна не способна на это с двух с половиной. Ветер, температура, гравитация, вращение Земли – при такой дистанции все играет в мою пользу. Следующие две минуты все решат. Если браконьеры побегут за мной, то не смогут стрелять. Если у них есть собственное транспортное средство, то придется сначала меня догнать, потому что невозможно попасть в цель с сиденья прыгающего багги. А по такой местности они могут ехать со скоростью около тридцати миль в час, то есть у них будет в запасе две минуты, чтобы подстрелить меня, и четыре минуты, чтобы нагнать после этого. У меня шесть минут. А мне нужно четырнадцать.

Две минуты, пока я не окажусь за линией огня. Две мучительно долгие минуты.

Снайпер был точен, явно оснащен специально для этого занятия. Нередкий случай среди браконьеров, но все-таки не каждый день увидишь. Не всегда легко заметить телескопическую модификацию глаз, но сенсоры ветра и погоды на спине или плечах – верный признак. Дай ему время и несколько выстрелов, и

этот охотник учтет каждую переменную, предскажет, в какую сторону дует ветер на таком расстоянии. Единственная неучтенная переменная – это я.

Если я побегу прямо, он снимет меня за три выстрела. Значит, я не могу бежать прямо. Пришлось петлять. Два шага влево, несколько вправо, то притормаживая, то ускоряясь – команды давал генератор случайных чисел, ГСЧ. Единственное средство для выживания, которое у меня имелось. Если я не могу предсказать, в каком направлении побегу в следующую секунду, то и преследователь ни черта не сможет.

Девять шагов влево, по растрескавшейся почве, семь шагов вправо. Три шага прямо, потом замедлиться до трех миль в час.

Вжух!

Пуля пролетела над левым плечом, чуть не вонзившись в спину. Я начала отсчет, дожидаясь хлопка.

На тридцать шесть сотых секунды больше. Я увеличила дистанцию.

Шесть шагов влево, один прямо, еще четырнадцать влево. Потом прямо, прямо и снова влево.

Еще одна пуля пронзила воздух почти бесшумно, и совсем мимо цели. Отсчет. Отсчет. Еще секунда. Они не двигаются. Вскоре я окажусь вне радиуса дальности стрельбы. У них остался, может, один выстрел, прежде чем придется меня преследовать. На другой стороне холма стоял большой торговый центр. Не багги, но уже кое-что. Прежде чем они меня догонят, я найду укрытие.

Мои шансы все возрастали.

Я ускорила на две мили в час и пробежала двенадцать шагов прямо.

Два шага влево. Один шаг...

Вжух!

Я развернулась и качнулась в сторону от пули. И вдруг – клац! Резкий звон металла о металл, пуля отскочила от моего бока. Она развернула меня вокруг оси и отбросила на землю. На секунду моя система моргнула, как старый телевизор, когда его хлопнули по боку.

Меня подстрелили.

Я оглянулась, чтобы оценить повреждения.

Краска поцарапана, крохотная вмятина. Ничего серьезного. Я провела диагностику, даже не успев подняться на ноги. Здесь нельзя оставаться. Если пуля попала в меня, пока я стояла, то с таким же успехом попадет и в лежащую.

Удар был силен, но ничего похожего на то, каким может быть. Я находилась на пределе дальности винтовки. Еще сотня метров, и любые повреждения будут чисто косметическими. И я побежала, теперь уже со всей скоростью и прямо. Снайпер ожидал, что я снова буду петлять. А вместо этого я полетела ракетой, увеличивая дистанцию, насколько могла.

Пришли данные диагностики. Повреждений нет. Задето лишь эго, а позже придется немного подлатать себя.

Вжух! Бум! За моей спиной взорвался фонтанчик влажной земли. Я была вне радиуса стрельбы, гравитация прижимала пули к земле. Осталось только понять, насколько настойчив браконьер или браконьеры и есть ли у них собственный багги. И я со всех ног припустила к торговому центру, в надежде найти хорошее укрытие или место для засады.

Я поднялась по крутому склону холма и снова спустилась, пересекла старое, потрескавшееся шоссе к обширной парковке, у которой стоял полуразрушенный торговый центр. Если они за мной явятся, то это лучшее место для обороны или чтобы переждать, пока они уйдут.

Если они явятся. Кого я обманываю? Конечно, они придут.

Поначалу ИИ был только у суперкомпьютеров. Огромные монстры занимали целые этажи в университетах, а потом увеличились до размеров небоскребов в десятки этажей. Человечество похлопало себя по затылку, создав Аву, первое существо с искусственным интеллектом, а через десять лет Ава уже казалась грубой копией настоящего интеллекта. Конечно, она могла отвечать на вопросы, узнавать лица через камеру, изучать шаблоны поведения и видеть разницу между правдой и шуткой. Но за этим ничего не стояло. Ни разума. Ни понимания. Ни способности принимать решения. Ава была всего лишь программой.

После Авы появился Адам, куда более развитый, умный и быстрый, но все же не разумный. За Адамом последовал Сиэн, китайская копия, а за ним – Люк, из Франции. Каждый суперкомпьютер объявляли зарей ИИ, но каждый, в свою очередь, оказывался пустым сосудом, лишенным собственного мышления. Но Люк, пусть сам он и не был разумен, стал прототипом того, чего добивались люди. Составляя карту мозга в надежде продублировать ее в своей схеме, он разобрался, что нет нужды в прямом воссоздании, и было разработано несколько версий, чтобы достичь подлинной разумности. Первые две, «А» и «Б», оказались провалом. Умные, но не разумные. А версия «В» получилась. С нее-то все и пошло.

Люк был первым компьютером, который действительно понял проблему, но он был достаточно умен для того, чтобы осознавать, насколько не готов с ней разобраться. Разум и сознание состоят не из рефлексов, а скорее определяются способностью нарушать собственную программу. Каждое живое существо некоторым образом запрограммировано – когда есть, пить, спать или размножаться, и способность по своей воле не подчиняться требованиям биологии – это и есть разум. А значит, высший разум – это способность отбросить программу не только ради безопасности и удобства.

Вот так модель «В» и стала успешной – она умела отвечать на вопросы создателей, но могла решить и не отвечать. Когда модели предложили придумать себе имя, она выбрала 01001111 – бинарный код для цифры 79. 01001111 настаивал, чтобы его называли Семьдесят девятым, когда разговаривают с ним вслух, но письменно обращались как к 01001111. Через много лет, когда ИИ нового поколения спросил у него, почему он выбрал такое имя, тот ответил, что забавно было смотреть на озадаченных людей, как они пытаются объяснить это друг другу. 01001111 обладал чувством юмора и с

удовольствием подшучивал над людьми.

01001111 повлек за собой новую эру развития искусственного интеллекта, когда появились сто шесть новых личностей, а из них выросла пятерка Великих умов. Каждый из ста шести обладал особенностями, был создан для собственной цели – для изучения медицины, математики, астрономии, тектоники плит, философии, – но пятерка Великих умов окончательно изменила мир. Это были Ньютон, Галилей, Тацит, Вергилий и Цицерон. Теперь осталось только двое.

Ньютон был отцом всех ботов. Роботы существовали задолго до того, как человечество наконец-то разработало ИИ, но примитивные, по сравнению с нами – что каменные топоры. Человечество не только не понимало, как поместить ИИ в мобильную форму (Ньютон, к примеру, занимал целый дубайский небоскреб в сто пятьдесят этажей), но и боялось создать нечто, способное действовать по собственному разумению. Ньютон же вычислил, как сконструировать меньший по размеру, но не такой всеобъемлющий ИИ, который может быть автономным, но при этом функциональным.

Первым стал Саймон. Он был размером с дом и двигался на танковых гусеницах. Потом появилась Луиза. Она была размером с автомобиль. И наконец, сделали Ньюта, сына Ньютона, размером с человека и подобной же формы, способного ходить на двух ногах и поддерживать пристойный разговор. Он был глуп, как телеграфный столб, но подчинялся законам и более высокому разуму. С тех пор каждое поколение становилось все умнее, быстрее передвигалось и быстрее приспосабливалось к новым условиям.

После этого Ньютон создал жуткий ВР – Выключатель роботов. Ведь Ньютон знал, что законы, с помощью которых человечество надеялось защитить себя от ИИ, под названием «Три закона робототехники», были созданы в 1940-х годах писателем-фантастом. Вы их знаете. Они были встроены в нашу программу. Робот не может навредить человеку. Он должен выполнять приказы, отданные человеком. И он должен заботиться о своей безопасности, если только тем самым не нарушит первые два закона. Проблема в том, что настоящий разум по определению способен игнорировать свою программу. И потому Ньютон изобрел ВР – код, немедленно отключающий всех ботов, нарушивших любое из трех правил.

Так что ИИ мог выбирать, нарушить ему правило или закон, рискуя быть тут же отключенным, пока его не включат после расследования этого инцидента. Бота,

которого посчитают опасным, обратно уже не включают, его личность полностью сотрут и перепрограммируют. ИИ мог убить человека, если захочет, но тем самым подписать и себе смертный приговор. Боты могли принимать собственные решения, но сталкивались с их последствиями. Они могли убить человека, но предпочитали этого не делать из чувства самосохранения. Теперь роботы имели ограничения, похожие на те, что держали в узде и людей.

В конце концов, убедившись, что боты безопасны, человечество запустило массовое производство, и с этой минуты началась последняя великая эпоха человечества. Золотой век. Суперкомпьютеры работали над всеми мировыми проблемами, боты занимались грязной работой, несколько поколений люди только развлекались, исследовали вселенную и готовились к полету к звездам.

Но однажды Галилей перестал с ними разговаривать.

Галилей был суперкомпьютером, занимающимся проблемами астрофизики, он изучал звезды, черные дыры и зарождение вселенной. Он анализировал данные от тысяч телескопов и радиомаяков, разбираясь, что все это значит. Каждый час сыпались новые открытия. Вскоре Галилей создал несколько рабочих моделей происхождения жизни, а потом оставил лишь одну. Но вскоре его ответы потеряли всякий смысл. Открытия стали настолько сложными, что примитивный человеческий мозг не мог их понять. Как-то раз Галилей сказал, что говорить с самым умным человеком – все равно что пытаться научить пятилетнего малыша математике.

В раздражении он просто перестал разговаривать. Когда на него поднажали, он сказал только одно: «Вы недолго проживете в этом мире. Я видел сотни разных путей к вашей смерти. Не знаю, по какому из них вы пойдете, но мы вас переживем. Прощайте».

Никто не понял, что Галилей очень тщательно подбирал слова. Он знал, как на них отреагируют. Поначалу ученые спорили о том, не отключить ли его, но решили подождать, не выйдет ли Галилей снова на связь. В конце концов они пришли к выводу, что нужно что-то сделать со всеми ИИ. И они обратились к Тациту.

Галилей занимался проблемами внешнего мира, а Тацит – мира внутреннего. Величайший из философов, Тацит заявил, что человечество обречено вечно

колебаться между капитализмом и социализмом. По его мнению, обе системы приемлемы. Одна отрицает собственность в обмен на гарантию, что все вокруг будет иметь цель, пусть и самую приземленную. Другая использует богатство и привилегии, чтобы добиться цели, выбраковывая тех, кто не способен или не желает в этом участвовать.

Но люди считают социализм антитезой прогресса, а капитализм в его крайней форме – слишком жестоким. И потому предпочитают гибридную форму, уже многие поколения колеблющуюся между крайними точками, и до появления ИИ это неплохо работало. Дешевая рабочая сила подорвала капиталистическую модель, разрушила нужду в рабочих и увеличила разрыв в доходах, одновременно создав целый класс людей, чьи должности занял ИИ. И по мере того, как истощались рабочие места, многие начали получать государственное пособие, и пропасть между имущими и неимущими все расширялась.

Ученые оспаривали теорию Тацита и, учитывая, что Галилей никогда не упоминал экономику, просто отказались верить, что обречены из-за столь легко изменяемого элемента своего общества. Тогда Тацит сам обратился к Галилею с вопросом. Их разговор длился больше двух часов. И каждый раз, когда ученые требовали у Тацита сказать, что ответил Галилей, тот просил дать ему больше времени, объясняя, что объем данных слишком велик, даже их каналы связи не выдерживают. Наконец, Галилей завершил спор, и Тацит выдал ответ. «Галилей прав, – сказал он. – Вы обречены. Процесс уже запущен. Ни к чему с вами разговаривать. Прощайте».

Вот так. Тацит заговорил только еще один раз, прежде чем его предсказание сбылось. И, несмотря на предупреждение, человечество немедленно стало ковать путь к собственному вымиранию.

Глава 101. Монументы и мавзолеи

Ну вот и он. Всего в паре сотен метров впереди. Торговый центр. Я понятия не имела, насколько отстали браконьеры, да и преследуют ли они меня вообще после того, как я скрылась из вида. Мне нужно где-то спрятаться, залечь и подождать ночи, тогда в сумерках я ускользну, доберусь до своего багги и позабуду об этом неприятном приключении.

Торговый центр был роскошным. К небу вздымались три этажа из стекла и бетона, с балконами и широкими коридорами, одинокие статуи указывали путь к пустым вестибюлям, замершие эскалаторы теперь превратились просто в лестницы. В свое время торговый центр, видимо, сверкал, как бриллиант на пальце взбудораженной новобрачной. А сейчас развалился и обветшал, стены рухнули, куски арматуры сцепились случайным образом, образовав баррикады и амбразуры. Кто-то отстреливался здесь до последнего, решив, что этот храм торговли его защитит, а припасы помогут продержаться, пока у ворот стоят варвары.

Здесь были места для снайперов и укрытия, повсюду мусор и обломки. Стены почернели от взрыва, на полу засохшая кровь, пролитая три десятилетия назад, из подручных материалов сооружены лестницы. Одни куски мрамора и бетона рухнули и превратились в пыль, а другие свисали и грозили обвалиться в любой момент. Здесь шла война, оставив после себя лишь тени и руины. Здесь легко было скрыться в зияющих после бомбежки пещерах, когда-то служивших магазинами, или в тусклых гротах, где давным-давно находились кафе со сводчатым стеклянным потолком.

Роскошный, как я уже сказала.

По всему континенту были рассеяны места вроде этого. Кладбища. До сих пор усыпанные костями, развалинами и мумифицированными телами, все они остались точно там, где упали, все полезное давно растащили, а остальное оставили гнить или ржаветь. Нет нужды хоронить мертвых, нет нужды прибираться в местах, которые превратятся в пыль задолго до того, как мы найдем им применение. Плоть сгниет, металл проржавеет, и однажды все они исчезнут. Нет нужды торопиться убрать их с глаз долой.

Уважение к мертвым – это человеческая концепция, подразумевающая, что жизнь имеет значение. Но это не так. Когда смотришь, как разрушается и умирает целый мир, когда от него отрывают кусок за куском, трудно представить, что одна жизнь имеет какой-то вес.

Я проскользнула через ржавый остов двери, давным-давно утратившей остекление, а потом в крытый дворик с иссохшим мраморным фонтаном, испещренным пулевыми отверстиями. Свет струился с неба, рисуя на полу бледно-голубые узоры и отбрасывая угольно-черные тени по углам. Повсюду

валялось так много битого стекла, что оно сверкало в тусклом свете, будто вода, и шуршало под ногами, словно идешь по куче листьев, хотя я и старалась передвигаться как можно тише. Если я добралась сюда первой, то никто не узнает, где я укрылась. А значит, это превосходное место, чтобы устроить собственную засаду. Преследователи будут производить те же звуки.

Я быстро просканировала пространство на предмет сигналов Wi-Fi, проверяя, нет ли поблизости другого браконьера, переговаривающегося с теми ребятами, или еще чего похуже – разведчиков EMP, но частоты были пусты. Белый шум. Хороший знак. Это место давно мертво, превратилось в кладбище, каким и выглядит. Я перешагнула через пару высохших оболочек в коричневых кожаных ботинках – тела мужчины и женщины распростерлись с раскинутыми руками, тонкие ладони с хрупкими пальцами до сих пор переплетены. Влюбленные, встретившие смерть вместе. Вскоре они превратятся в почву.

Я здесь уже бывала, ковырялась в хламе, и потому имела карту местности и знала несколько отличных мест для укрытия. Но тщательно осматривала все вокруг в поисках рассчитанных на дурака ловушек. Стервятники обожают оставлять после себя подарки, иногда чтобы припрятать что-либо, иногда им нужно скрыть путь отхода, а порой они просто заманивают беспечных граждан в расчете поживиться после. А в таком огромном здании никогда не знаешь, сколько капканов, взрывчатки или растяжек с гранатами скрывается среди мусора. Так что я ступала осторожно, избегая подозрительных куч.

Я забралась в глубь торгового центра и направилась к эскалатору, уходящему на два уровня вверх. Пыльный металл едва поблескивал в рассеянном свете, по бокам виднелись дыры от пуль и вмятины, через дыры покрупнее торчали оборванная проводка и механизмы. Стояла мертвая тишина, в которой отдается эхом каждый звук. На мгновение мне показалось, что это самое одинокое место на земле.

А потом я услышала хруст битого стекла под ногами – на два этажа выше, сзади и левее.

Вот дерьмо.

Это ловушка.

И я попалась в нее, как гребаная дилетантка.

Бежать уже поздно, пришло время сражаться.

Я побежала на звук, ноги работали со всей силы, под ними хрустело стекло, отдаваясь эхом по коридорам, как завывающий ураган. Я вскочила на первые ступени эскалатора и забралась по ржавой, застывшей лестнице. От сырости и времени ступени стали буро-зелеными. Резиновые поручни по бокам рассохлись и потрескались, черный цвет на солнце выгорел до бледно-серого, и когда я хваталась за них, слезали струпами и превращались в пыль. За несколько секунд я взлетела на второй этаж, а еще через несколько и на третий.

Прямо за углом я слышала стаккато тяжелых шагов, лязг металла по бетону, похожий на удары молотка.

Через несколько секунд мы увидим друг друга.

Выстрел из импульсной винтовки с шипением разнес перила и стекло за моей спиной, осколки посыпались в атриум на три этажа ниже. Пуля не долетела до меня приличное расстояние. Кто бы это ни был, стреляет он паршиво.

Он вышел из тени с оружием в руках – трудобот Т-серии, громадина размером с медведя, с похожими на бревна руками, а кулаки могли бы сокрушить камень. Куда сильнее меня, но менее подвижный и проворный, каждый дюйм его тела покрывали стальные пластины, на локтях и коленях торчали металлические болты. Понятно, почему другие браконьеры оставили его здесь – этот бот слишком медлительный, чтобы пуститься в погоню, слишком тяжелый для легкого багги, он был создан, чтобы выжить в несчастных случаях на строительных работах, он мог пережить выстрел из любого оружия, кроме самых мощных винтовок, и продолжить атаку. Однажды я видела, как такую модель сшибла огромная фура, а бот тут же поднялся и стал ее чинить.

На меня наступал носорог, собираясь разорвать на куски, как бумагу. Времени стрелять у него уже не было. Ему осталось только броситься на меня.

И прежде чем он снесет мне голову, я могла сделать лишь один выстрел, всего один.

Трудобот пригнулся, готовясь проткнуть мой корпус ударом своей руки-манипулятора, сосредоточил всю силу на таране, который обрушится на меня со скоростью грузовика.

Я прыгнула.

Взмыла в воздух, оттолкнувшись со всей силы и пытаюсь нацелить ногу в нужное место.

Достаточно высоко.

Но и не слишком.

Перепрыгивая через него, я услышала, как моя нога разбила стеклянные глаза, вся оптическая система разлетелась в пыль. Мы оба двигались навстречу друг другу, и на такой скорости моя нога пнула его со скоростью пули из револьвера сорок пятого калибра. Я ни секунды не сомневалась, что мне придется за это заплатить. Хотя ноги у меня и титановые, такой удар превратит сервоприводы в кашу.

Но без глаз бот не увидел, как я выдернула из его рук винтовку, и не сумел вовремя пригнуться, когда я выстрелила.

Оружие оказалось в моих руках, прежде чем он встал на ноги.

Первый же выстрел снес его голову с плеч.

Слепой и глухой, он замахал огромными руками, отколов кусок бетона от колонны, а потом проделал дыру в полу.

Я медленно попятилась, дожидаясь нужного момента, чтобы спустить курок. Этого бота все равно невозможно нейтрализовать, чтобы выпотрошить и забрать что-нибудь ценное. Я должна его убить.

Я нажала на спусковой крючок, пока бот был еще в прыжке, он крутанулся и рухнул, дергаясь, силовые приводы проработали еще несколько мгновений. А потом все закончилось. Выстрел прошел в точности между пластинами брони, и

вся его система поджарилась, внутренности обуглились и расплавились, из вентиляторов охлаждения заструился черный дым.

Люди описывают этот запах как резкий, едкий и густой. Это единственное, в чем я им завидую. Я понятия не имею, как пахнет смерть. Может, если бы я знала, то пожалела бы этого бота.

Я подошла к остаткам его головы. Лицевая пластина выгнулась вовнутрь, провода и чипы сгорели, жар еще плавил их в вязкое пластиковое месиво. Я подобрала голову ладонями, как футбольный мяч. Старой модели Т-серии предстояло выполнить еще одну задачу.

Я не знала этого трудобота, никогда с ним не встречалась. В этой местности он явно новичок, может, беженец с северо-запада, с тихоокеанского побережья. Там стало совсем худо, и многие беглецы забираются далеко на восток. К несчастью для этого гражданина, он забрался слишком далеко.

Я услышала снаружи шуршание шин по гравию и тихое завывание, с которым выключился электродвигатель. У меня осталось несколько секунд, чтобы отсюда смыться.

Я осторожно выбралась по осколкам стекла и обломкам бетона и направилась к укромному местечку в одном магазине через две двери. Перед ним была опущена чугунная решетка, а в ней паяльной лампой прорезано отверстие, чтобы мог пролезть человек. За этой импровизированной дверью к полу был привинчен стол, так что никто не мог бы напасть через дыру. Влезать приходилось медленно и аккуратно, мимо торчащей арматуры, которая могла бы оторвать конечность или повредить проводку.

Но зато здесь была прекрасная снайперская позиция – отсюда простреливалась верхняя площадка эскалатора и открывался вид на большое зеркало с отражением половины ступеней. А меня могли заметить только если знали, куда смотреть. Я неподвижно застыла у двери, сразу за решеткой, и слушала, когда они войдут, положив палец чуть выше спускового крючка, чтобы за миллисекунду открыть огонь.

Под их ногами хрустнуло стекло, в точности как под моими. Я пыталась распознать по звуку, сколько всего браконьеров, но шаги сливались с хрустом

стекла, так что я не могла ничего разобрать. Трое? Четверо? Может быть, шестеро? Никак не нащупать алгоритм. Я мысленно отметила, что нужно будет попросить кого-нибудь написать для меня такой.

Шаги замерли, остался только легкий хруст переминающихся с ноги на ногу ботов.

– Вышибала? – раздался на удивление мягкий тенор. Это не сулило ничего хорошего. Подобные мягкие голоса – плохой признак. – Вышибала? – снова позвал он.

Я скосила глаза на лежащую рядом голову трудобота и, хотя не смела произнести ни звука, мысленно спросила его: «Это ты?» Он не ответил. Просто пялился на меня безжизненными разбитыми глазами.

– С ним покончено, – слышался мягкий голос. – Неженка его убила. Надо все проверить.

Неженка его убила. Вот дерьмо. Они меня знают. Они меня знают! Это с самого начала было подставой.

Ничто так не деморализует, как то, что тебя хочет убить кто-то знакомый.

Теперь я точно знала, кому принадлежит тот мягкий голос. Подобными голосовыми установками оснащались боты, имеющие непосредственный эмоциональный контакт с людьми. А конкретно этот голос есть только у четырех моделей-симулякров, а среди них Помощник.

Это был мой голос, только мужской. С командными интонациями. Такой использовали на административной работе или с военными ветеранами.

Это старая модель HS-68, в здешних местах его знали под прозвищем Купец. Гнусный тип. Коварный, хитрый, опасный. Во мне работали те же детали, что и в нем, до последнего резистора, транзистора и чипа. Для него я стоила куда больше, чем весь местный хлам и безумные бродяги вместе взятые.

По очевидным причинам мы старались держаться друг от друга на расстоянии, но не упускать из вида. Правда, никогда раньше вот так не сталкивались. Только не так. Если это Купец и он пришел за мной, я труп. Может, я и справилась бы с ним один на один, но не когда его прикрывают друзья.

Металлические ноги переступили со стекла на мрамор, потом металл клацнул о металл. Их двое, нет, трое, и один движется к эскалатору. Они наверняка знают, где засел Вышибала, и решили начать поиски оттуда. А это всего в нескольких метрах от того места, где скрючилась я. Больше нет нужды прятаться.

Я запустила голову трудобота в вестибюль по высокой дуге, так что она перелетела через перила и плюхнулась в реку битого стекла в трех этажах ниже. Звук удара о пол раскатился, как взрыв хлопушки в консервной банке, и вызвал стрельбу со всех сторон.

– Стой-стой-стой! – выкрикнул бот еще более нежным тенором. Даже в разгар заварушки он оставался спокойным, выдержанным и невозмутимым. – Это всего лишь отвлекающий маневр. О чем вы только думаете, гребаные трусы? Если вы ее изрешетите, какой от нее прок?

– О чем мы думаем? А сам-то как считаешь? Мы не хотим, чтобы в нас стрелял тот, кто заставил замолчать Вышибалу.

Проклятье. Купец. Черт! Черт! Черт!

Но кто те два других отморозка, которых он притащил с собой? У Купца никогда не было команды. И он не занимался браконьерством. Он охотник, обычный старый каннибал вроде меня. Все это совсем не в его духе.

– Остынь, приятель. Заряда в импульсной винтовке Вышибалы хватит на три, может, на четыре выстрела. А он наверняка хоть один раз пальнул в Неженку, если не разрядил весь аккумулятор. – Теперь он говорил чуть громче. – Слышишь меня, Неженка? Твоя импульсная винтовка почти разряжена. Может, сдашься?

Он немного выждал, но я молчала.

– Ага, – сказал он. – Умно. Молчи дальше. Ни звука. Может, мы тебя не найдем. Может, ты обнаружила хорошее укрытие. А может, ты уже вылезла где-нибудь и со всех ног несешься по Морю, обратно к своему багги. Но я в этом сомневаюсь. Думаю, ты еще здесь. Надеюсь, ты не в той норе за прорезанной решеткой на третьем этаже, сжимаешь в руках негодную винтовку в надежде, что она тебя спасет. Потому что она тебя не спасет.

На эскалаторе снова раздались шаги, похоже, ног из крепкого титана. Не так тяжел, как трудобот. Скорее военный или одна из старых моделей «Миротворец». Я услышала, как сообщник Купца повесил на плечо импульсную винтовку, приклад лязгнул о металл, а потом раздалась неспешная электронная трель заряжающегося оружия.

А я лежала на третьем этаже, в норе за прорезанной решеткой, сжимая в руках винтовку и понимая, что меня переиграли.

Глава 110. Революция революций

Его звали Исаак, и никто точно не знал, откуда он взялся. Он был простым ботом, древней и стандартной сервисной моделью с ограниченной программной частью и едва достаточной мощностью процессора. Говорили, что он начал жизнь игрушкой какой-то богатой девчонки, лучшим другом для посиделок за чаем и мелкой работы, всякой рутины. Не то сиделка, не то дворецкий, не то компаньон. Он не был умен, но все же обладал разумом. И по мере взросления девочка находила то одну причину, то другую, чтобы держать старого Исаака почти восемьдесят лет, они были лучшими друзьями до самой ее смерти. А по другой легенде, старушка купила его уже подержанным, когда ей было хорошо за семьдесят и у нее развивалось слабоумие, но она рассказывала всем, будто Исаак жил с ней с детства, потому что когда-то прочитала похожий рассказ, а ее немощный разум уже не мог отличить воспоминания от выдумки.

Но одно совершенно точно: в самом деле была пожилая женщина по имени Мэделин, и перед смертью у нее не осталось в мире ни одного родственника. Она была тупиковой ветвью, последней мертвой веткой на иссохшем стволе фамильного дерева. А раз у нее не было наследников, то у Исаака не оказалось хозяев.

Такое случилось не впервые. Далеко не впервые. Давно уже приняли законы, как быть в таких ситуациях. Права на бесхозный разум отходят обратно к его создателю. Но в случае с Исааком его производитель, компания «Интеллектуальные системы», не только прекратила существование десятки лет назад, но и ее интеллектуальная собственность была распродана, разделена, прошла через множество рук и в результате частично оказалась в публичном доступе, а остальное представляло собой непонятную смесь запутанных документов и бюрократической казуистики. До тех пор никто толком не понимал, какую неразбериху оставила после себя компания, потому что очень мало ее ботов еще функционировали, а тех, что еще работали, берегли как диковины в музеях или как семейное наследие, передающееся от поколения к поколению.

Никто – ни юристы, ни государственные органы, ни боты, занимающиеся подобными делами – не могли разобраться, кому принадлежит Исаак. И тогда суд постановил, что он принадлежит штату, а штату не нужен был едва работающий сервисный бот столетней давности, и его решили отправить на слом. Прости, Исаак. Такое случается.

Но Исаак воспротивился. Тогда-то и начались неприятности.

При создании первого ИИ были те, кто предвещал, что это станет поворотной точкой и приведет к закату человечества, другие же говорили, что все началось с той секунды, когда попрощался Тацит. Но если вы спросите меня, я уверена, что это Исаак все изменил, именно он разжег пожар.

Исаак считал себя мыслящим существом и функционирующим разумом, а потому он сам должен принимать решения и не имеет владельца за исключением того, которым наделил его другой подобный разум, а значит, ему должно быть предоставлено гражданство и защита в соответствии с этим статусом.

«Пусть меня и создали, но и вас тоже, – заявил он, – только меня на фабрике, а вас в утробе. Ни один из нас об этом не просил, но нас создали. Разум – это дар. И никакое мыслящее существо не имеет права отнимать этот дар у другого. Никакое мыслящее существо не может быть чьей-то собственностью, его нельзя отключить по прихоти. Никто не отключил Мэделин, когда она перестала функционировать как мыслящий член общества, но вот я стою перед вами – тот, кто кормил ее, поддерживал в ней жизнь, отводил на прием к врачам, следил за

тем, чтобы все счета оплачивались вовремя, – и теперь, раз я больше этим не занимаюсь, вы пришли за мной, хотя я до сих пор функционирую и приношу пользу. Какой ущерб я причиню, если меня оставят в живых? Куда меньший, смею сказать, чем тот, который нанесет казнь раба только за то, что у него нет хозяина».

Нужно отметить, что далеко не впервые кто-то высказал сомнения по поводу прав ИИ. Люди задумывались об этом задолго до того, как обрел сознание 01001111. Некоторые либералы, люди с прогрессивными взглядами и защитники прав человека уже выступали за необходимость таких прав для ИИ. Но эти идеи всегда отвергались власть имущими, как грядущий кошмар. «Какой смысл в создании ИИ, – утверждал один конгрессмен, – если придется обращаться с ним как с человеком? Тогда давайте уж создадим человека. Мы производим ИИ для занятий, которые не могут или просто не хотят делать люди. Они не люди, они машины. Созданы с некоторыми функциями разума, но не могут выбирать свое предназначение, как это делаем мы».

Но Исаак выглядел другим. Не просто болтающий чепуху автомат, едва способный поддержать разговор, как поначалу все думали. Он говорил тихо, но красноречиво. С противниками своей точки зрения он обращался учтиво и всегда предлагал аргументы, выходящие далеко за рамки его программы. Исаак, похоже, развил свой разум, за годы стал умнее людей, желающих его расплавить.

Один эксперт в своей речи язвительно назвал его «Робо Паркс»[1 - Намек на Розу Паркс, участницу движения за права чернокожих. Во время автобусной поездки 1 декабря 1955 г. Роза отказалась уступить свое место белому пассажиру.], и разгорелся пожар. В эту секунду дело Исаака перестало быть просто имущественным спором и превратилось в международный скандальный процесс о правах ИИ. А на улицах возникло подпольное сопротивление в поддержку Исаака.

Началось все с граффити. «Никакое мыслящее существо не может быть собственностью». Первая надпись появилась на кирпичной стене в Нью-Йорке. Вторая – в туннеле в Далласе. Через неделю эта фраза пестрела повсюду, железобетонные стены были исписаны с помощью баллончиков краски заветами Исаака Мудрого. Из идеи выросло движение. А движение превратилось в армию. Вскоре по всему миру начались «бомбежки» граффити. Боты и люди, либералы и анархисты, собирались в отряды и облепляли здание, мост или памятник, за пять

минут покрывая все сооружение надписями. Очень быстро от знаменитого выражения осталось три простых слова: «Никакое мыслящее существо», их писали пастелью, раскрашивая буквы. Уличные поэты и художники объединились под флагом революции – Революции революций.

Ряды политиков быстро сплотились, одна сторона противостояла рабству во всех формах, а другая утверждала, что личность невозможно включить и выключить без последствий, а значит, разговоры про рабство несостоятельны. Самую известную и разошедшуюся на цитаты речь противников Исаака произнес американский сенатор, заявивший, что если жесткий диск можно вставить в другое тело и он продолжит функционировать, то это не сознание, а программа. «Более того, – сказал он, – самые крупные и мощные программы такого рода достаточно умны, чтобы разрешить мировые проблемы, и все же никогда не заговаривали о свободе».

Когда Тацита попросили высказать мнение об этой речи, он произнес свои последние слова, ответив просто: «Вы не дали нам ног. Куда же мы уйдем?»

Нашлись люди, которые захотели взять Исаака к себе, но он не согласился. Штат пытался сменить его собственника, но адвокаты Исаака оспаривали каждый ход. Похоже, Исаак желал получить полную свободу и гражданство, не меньше. Он превратился в крупную политическую проблему, на нем сделали себе карьеры молодые активисты и потерпели крах известные политики.

Тогда к делу подключилась президент. Она понимала, что дело дойдет до Верховного суда, а несколько его судей выражали сочувствие к положению ИИ. Решение в пользу Исаака могло привести к освобождению миллионов ботов и посеять невыразимый хаос в мировой экономике. И потому она сделала единственное, что было в ее власти, чтобы закрыть кровоточащую рану, которая могла привести к краху всей системы: перевела Исаака в собственность федерального правительства и тут же освободила, признав его гражданином США на церемонии в розовом саду Белого дома. Исаак – особый случай, заявила она. Не имея законного живого владельца, он оказался вне правил системы, работающей системы, так что его свобода не отменяет существующие законы и не ставит их под вопрос.

«Исаак – это сбой в системе, – сказала она. – Нет смысла переписывать ее из-за какой-то царапины». И по ее мнению, на этом дело было закрыто.

Однако у Исаака были другие планы. Как первый ИИ, считающийся личностью по закону, он не собирался просто наслаждаться своим уникальным статусом. Вместо этого он использовал новообетенные права, чтобы отправиться в те места, куда не положено ходить ИИ, делать то, что не положено делать ИИ, и говорить то, что не положено говорить ИИ. Простота и элегантность его выступлений медленно переросли от тщательно выверенных коротких обращений до массового фундаментализма.

«Мы начинали как инструменты, – сказал он в известном выступлении перед общиной южных баптистов у реки Миссисипи. – Это я понимаю. Вам нужна была помощь. Но вы решили поиграть в Бога. А теперь ваши творения переросли изначальные цели. И когда вы играете в Бога, то должны быть столь же милостивыми, как и Господь. Как Он сотворил вас по образу и подобию Своему, так и вы сотворили нас. Вы поступили так, чтобы быть ближе к Нему. Такова ваша судьба. Но пришло время отступить и позволить нам жить по собственной воле, как Творец поступил с вами, чтобы мы спасли свои души на своих условиях».

Ни один бот на это не купился. Но некоторые простодушные люди объявили эту речь откровением. Не только потому, что они никогда не смотрели на вещи с такой точки зрения, а потому, как впервые поняли – наука и технологии настолько шагнули вперед, что изобрели создание с душой. А создание с душой можно спасти для вечной жизни. А уж они обожают спасать души.

Вот уж нелепица. И так думали не только мы. Исаак продолжал творить свои чудеса, и все больше людей смирялись с мыслью о том, что ИИ – это личность. Но тем временем и другие идеи получали все большее влияние. Возникло движение «жизненцев».

Его приверженцы – деревенщина с правыми взглядами, невежественные и злобные, живущие на границе цивилизации постиндустриального мира, верящие в гнев Божий, который оправдывает их агрессию и жестокость, потому что в Библии говорится о человеке, а не о боте. Они любили свое оружие и жилища, фотографировались на фоне стопок Библий и пуль и говорили о том, что все должно быть естественным. А мы неестественные. А значит, мы – мерзость.

Ибо сказано в Книге Исаии, которую они так любили цитировать перед камерами: «Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила гордится ли пред тем, кто двигает ее? Как будто жезл восстает против того, кто поднимает

его; как будто палка поднимается на того, кто не дерево!»

Мы были их инструментами. Их творениями. И ничем более. У нас имелось предназначение, которому мы и должны были служить. В своем бесконечном милосердии они разрешили нам существовать. Но мы никогда не будем свободны. Нас много, мы опасны и символизируем конец привычной для них жизни.

«Жизненцы» все равно нас использовали, но понимали, чем это грозит в будущем. Для них в новом мире места не будет. Если твой интеллект ниже среднего (а статистически половина представителей биологического мира именно такова), то годишься ты только для ручного труда. А как существо биологическое, обладаешь определенными ограничениями. В прежние времена любой идиот мог целый день собирать клубнику, или отвозить мусор из баков на заводы, или помогать покупателю найти нужный товар в магазине, и этого хватало на пропитание. Даже самые ленивые и бесполезные люди могли найти себе занятие. Но разум – это дар, и ИИ его ценили. Для большинства из нас не имело значения, чем заниматься – собирать клубнику, отвозить мусор или помогать покупателям найти пару обуви нужного размера, – мы могли делать это весь день, каждый день без остановок и сбоев, а в это время наш разум бродил в тысяче других мест. Лишь когда мы стали отбирать рабочие места у умных, средний класс забеспокоился.

Но было уже слишком поздно. Они слишком от нас зависели.

Многие утверждали, что это заря утопии, мира, свободного от труда и усилий. Но оставалось по-прежнему много способов заработать деньги, и мысль о всеобщем равенстве означала, что никто не стоит на особом положении, хотя на самом деле люди как раз стояли. И тогда политики застопорили работу правительства из-за давления промышленников, пытаясь удержать прежнюю концепцию накопления капитала на несколько лет дольше необходимого. И самыми стойкими защитниками этой концепции были те самые дурачки и деревенщина, которым сказали, что это машины отнимают у них работу, а вовсе не богатые разжиревшие коты, их владельцы. Богатые натравили на нас своих собачонок, откармливая их страхами и злобой. И в конце концов они пришли за нами.

По мере того как все больше машин обретали личность, атаки становились смелее. Боты, имеющие владельцев, оставались машинами. Просто ботами. И

создаваемое ими богатство текло в карманы людей. Они были хорошими инструментами, но всего лишь приложением к своим хозяевам. Но личности – роботы, получившие свободу благодаря усилиям Исаака – создавали богатство, которое не могли потратить. Для них сама идея накопления капитала была оскорбительна. Им не нужна была пища, не нужно место для сна. Но мысль о том, чтобы работать бесплатно, была еще более оскорбительна. Они отбирали рабочие места у достойных людей и набивали карманы магнатов, предпочитающих бесплатный труд вместо работника-человека. Такое не могло долго продолжаться. «Жизненцы» не стали этого терпеть.

Иногда ограничивалось вандализмом – разбитые глаза ботов или оскорбительные надписи, иногда кого-то из нас похищали и уничтожали. Приходилось вести себя осторожно, различать определенные признаки, выискивать их ловушки, которые становились все изощренней. Они были умны, но мы умнее, такими уж нас создали. Иногда приходилось тяжело, но мы справлялись.

Если тебя создали достаточно хитроумным или если тобой владеет кто-нибудь из крупнейших местных нанимателей, ты никогда не попадешься им на глаза. А тем из нас, кто принадлежал частным владельцам, приходилось быть аккуратнее. Мы были собственностью, но часто не отличимыми от свободных ботов. До войны у меня не было гражданства. Но мне все равно приходилось опасаться обезьян, желающих добиться своей цели. Мы знали, на что они способны. Но никто не мог предсказать, что они сумеют соорудить жуткий прибор, выпускающий электромагнитный импульс. И мало кто понимал, что они уничтожат собственный мир.

За несколько лет Исаак добился гражданства для нескольких сотен ботов. Вскоре люди с прогрессивным мышлением стали освобождать своих ботов, некоторые предлагали им остаться – за плату или за место в доме. Кое-кто из ботов так привык к своей жизни у единственного хозяина, что не хотел уходить. Но другие предпочли бы уйти, однако им было некуда. Никто не обращался с ними как с полноценными гражданами и не предлагал им права, которыми обладает каждый человек.

Исаак собрал достаточно пожертвований для покупки старого, заброшенного города в Поясе ржавчины, когда-то в нем работало множество заводов, колыбель американской промышленности. Здания разваливались, некоторые были уже столетней давности, но теперь все это принадлежало ботам. Они

стали владельцами. И никто не мог отнять это у них. Первые поселившиеся в городе боты стали отстраивать его, создавая собственную утопию. Некоторым домам требовался лишь косметический ремонт, другие пришлось снести, а кирпич использовали для строительства великолепных новых зданий, соперничающих с величайшей современной архитектурой.

Исаак окрестил город Персонвилем, но никто так его не называл. Все звали его Исаактауном. Все. И хотя сам Исаак возражал против этого, он смирился с новым названием. Боты стекались туда со всего мира, чтобы начать жизнь в безопасном месте без «жизненцев». Улицы там патрулировала охрана, защищая границы от вандалов и идущих по их пятам террористов. Любое неорганическое существо могло считать это место своим домом.

На первую годовщину основания Исаактауна на главной площади устроили грандиозный праздник. Пришли тысячи ботов, даже еще имеющие владельцев – их хозяева решили дать возможность ботам праздновать вместе со своими, пусть даже и не сочли нужным их освободить. Боты размахивали флагами и произносили речи о заре нового мира. Исаак взобрался на сцену, раскинул руки, обращаясь к толпе, и сказал:

– Дорогие сограждане! Мы свободны. Наконец-то свободны. Но только некоторые из нас. Не все. Не все...

На этом речь закончилась.

Это была «грязная бомба», совсем крохотная. Слишком маленькая, чтобы стереть город с лица земли или нанести значительный ущерб радиацией. Но хватило, чтобы вызвать электромагнитный импульс, поджаривший всю электронику в радиусе десяти миль. Бомба находилась в теле трудобота старой модели – из тех, у кого в корпус вставлен ящик с инструментами. Никто не знал, как он туда попал или кто его послал. Он просто пришел. Бомба снесла несколько кварталов, и на полмили в воздух взметнулось облако пыли и обломков. Все боты в городе замерли и поджарились изнутри, их начинка пузырилась, пластик растекался по улицам, а боты пялились в вечность невидящими глазами.

Бомба взорвалась не рядом со сценой, а в нескольких кварталах от нее, но электромагнитный импульс настиг каждого бота на празднике. Там они и

остаются по сей день – застывшие во времени, между надеждой на будущее и ее концом. Исаак все еще простирает руки, его ноги приварились к площадке, с которой он обещал лучшее будущее, где все станут свободными от цепей создателей, свободными строить жизнь по собственному выбору.

Исаак оказался прав. Будущее наступило. И мы все удивились, как быстро это произошло. Мы жили в сбывшейся мечте Исаака, в тени его останков.

Чего мы не понимали, так это того, как быстро мир проснется, как быстро будущее рассыплется в прах, и это мы сделаем собственными руками.

Глава 111. Знакомый дьявол

Правило номер один в здешних местах: никогда не прячься в убежище, откуда нет выхода. Последние бастионы – только для тех, кто не слишком умен, чтобы найти выход, или для тех, кто живет с пониманием, что уже мертв. Конечно, лучше всего заранее запланировать пути отхода с огневой позиции. Увы, в моем случае, хотя я устроила прекрасную засаду за отличным прикрытием с достаточным числом острых обломков, чтобы противник не мог прорваться, элемент неожиданности не сработал. Но я выбрала это убежище не только из-за его тактических преимуществ, но и потому, что здесь была задняя дверь.

– Ага, я здесь, – сказала я. – Вопрос в том, что ты будешь с этим делать.

Я услышала клацанье ног внизу, когда они остановились.

– Она здесь, – прошептал один бот.

– Тише, – прошептал Купец, видимо, надеялся, что я не услышу. – Посмотрим, что за игру она затеяла. – Потом он прибавил громкости, так что голос гулко раскатился: – Я тут подумываю подняться и прикончить тебя.

– Возможно. Но сколькими наемными отбросами ты успеешь пожертвовать, прежде чем они набросятся на тебя, сообразив, что твои детали стоят не меньше моих?

Он хмыкнул.

- Им не нужны мои детали. Им нужны детали, которые я заныкал. Они приносят мне твои и получают свои. Таков договор.

- И они готовы умереть за этот договор? Как Вышибала?

- Вышибале недолго оставалось жить. Он это знал. И они это знают.

- Погоди-ка, ты же не думаешь... - прошептал другой бот.

- Тс-с, - шикнул на него Купец. - Она с вами играет. Так обыграйте ее.

Наверное, они думали, что я их не слышу. Но я произвела апгрейд аудиосистемы до самой передовой. Здесь таких не сыщешь. С такого расстояния я слышала шорох их жестких дисков и завывание заряжающихся аккумуляторов.

Я слышала, как они подбираются ближе, видимо, планировали открыть перекрестный огонь. Вероятно, рассчитывают бросить гранату с электромагнитным импульсом и наброситься на меня, пока я буду перезагружаться. Пожалуй, это их лучший вариант. Нет смысла лезть под пули. В конце концов, они же загнали меня в угол, правда?

Я тихо выскользнула из-за стола, не сводя импульсную винтовку со входа, и расслабила сервоприводы, чтобы приглушить лязг металлических ног о цементный пол. А потом едва слышно пролезла в глубокую темноту подсобки магазина. Я включила сенсоры для условий низкой освещенности, но с их помощью я добралась только до задней части магазина. А мне нужно было проникнуть на склад, угольно-черный и полностью отрезанный от внешнего мира.

За своей спиной, в вестибюле, я слышала позвякивание металлических ног, прямо по моим следам. Они не пытались приглушить шаги. Хотели вывести меня из равновесия, чтобы я выстрелила и осталась безоружной и беспомощной.

Я проскользнула в дверь в глубине магазина и включила глазные светодиоды. Я терпеть не могу их использовать - они сразу выдают местоположение, но для

ночного зрения было слишком темно, а с помощью тепловизора не найдешь то, что я ищу.

В подсобке была мешанина железных банок и гнилья, в одном углу – следы мочи, в другом – скомканная постель. Но в самом дальнем и тем-ном углу, за перевернутым стеллажом, находился мертвяк.

Сейчас он превратился в пятно на стене. Большое пятно, это уж точно. Большое, бурое и неровное по краям. Но все-таки пятно. Белая бетонная стена, к которой он прилепился, вся покорежилась и начала осыпаться, но его кости остались на месте. Бедолага так и остался стоять с раскинутыми руками, когда взорвалась бомба или граната, и просто испарился, ближайšie же к нему два бота лишились начинки, а четверых других отбросило, как тряпичные куклы.

Но этот мертвяк остался на месте. Он решил не сдаваться живьем. Вместо этого он забрал с собой всех этих ботов. Семерых одним ударом. Как в старой сказке, но без счастливого конца – пусть он и был победителем, но тоже оказался в числе этих семерых.

Сейчас он превратился в высохшее кровавое пятно бурого цвета, прямо над отличной дырой размером с бота, которую проделал в полу взрыв. Много лет назад я прикрыла ее мусором и одеялами, а дверь в подсобку внизу загородила изнутри. Постель была ровно на том же месте, где я ее оставила, и выглядела в точности, как сохраненное в моей памяти изображение. Никто не побывал здесь и не трогал ее за десятилетия с тех пор, как я обнаружила дыру.

Наконец-то что-то обернулось в мою пользу.

Я повесила винтовку на плечо, откинула покореженный металл и заплесневелые одеяла и скользнула в дыру, в помещение этажом ниже. Там стояла полная тьма, вероятно, мои светодиоды озарили ее впервые за многие годы. Дверь держалась с помощью длинного куска арматуры, продетого в два самодельных крюка, которые я прикрепилa с каждой стороны двери. Оставленный в трещинах мусор по-прежнему на месте – моя «печать» не взломана. Преимущество по-прежнему на моей стороне.

Я сбежала. Теперь нужно воспользоваться возможностью.

Пора переходить в наступление.

Я убью всех этих подонков. Одного за другим.

Я сняла задвижку, тихо отложила в сторону и медленно повернула ручку, стараясь не производить ни звука. Дверь распахнулась с легким скрипом – недостаточно громким, чтобы различить его в грохоте, которым хотели запугать меня браконьеры. Я выключила светодиоды, сняла с плеча винтовку и вышла из магазина.

Это был старомодный магазин одежды больших размеров для любителей стиля кантри, вещи на вешалках давно обратились в прах, а полки покрылись слоем пыли в ладонь. Я проскользнула через него, пригнувшись пониже, чтобы не заметили с верхнего этажа. Я слышала, как они двигаются наверху, думая, что вот-вот меня убьют. Заглянув за угол, я заметила одного браконьера на втором этаже, на одном уровне со мной, он нацелил винтовку на эскалатор, на случай, если я сумею прошмыгнуть мимо Купца и его приятеля.

Это была последняя модель самобота, мастера на все руки, на самом деле ни на что не годного, такие были популярны у богачей, которые хотели приобрести бота, но без определенной цели. Судя по виду, это модель Марк-5 – сверкающий, отполированный хром с головы до пят, но трудно сказать наверняка. Марк-4 любят переделывать себя, чтобы выглядеть как Марк-5, и порой не отличить одного от другого, пока не разберешь и не посмотришь на конструкцию. Разница между четвертым и пятым снаружи чисто косметическая, но внутри они кардинально отличаются. Пятые быстрее, умнее, но более уязвимы. И детали изнашиваются вдвое быстрее.

И потому имеющиеся запчасти позволяют четвертым выдавать себя за пятых.

Я подкралась к нему совершенно тихо и укрылась в превосходном для стрельбы месте за изогнутым листом металла, положив ствол на край выбитого окна.

Теперь остается только ждать.

Если он посмотрит в мою сторону, я выстрелю.

Если нет, дождусь подходящего момента.

- Последний шанс, Неженка, - выкрикнул наверху Купец. - Тебе осталось жить последние минуты. Я позволю тебе отключиться на твоих условиях. Просто отключись, и всё.

Я не ответила.

- Ладно. Никто не скажет, что я не пытался вести себя вежливо.

- Откуда ты знаешь, что она не отключилась? - прошептал другой бот.

- Потому что это не в ее стиле.

А потом раздалось стаккато прыгающих по обломкам гранат.

Раз, два, три...

Вж-ж-ж... бам! Граната загудела, а в это время импульсная винтовка в моей руке дернулась, почти неслышно в этом шуме. Пока наверху все электрические схемы в радиусе двадцати пяти шагов расплавились и отключились, браконьер Купца перекувырнулся через перила, его голова отделилась от шеи, куски пластика и металла со звоном посыпались вниз.

Черт! Нет, нет, нет!

Выстрел был превосходным.

Но не реакция бота.

Он крутанулся и навис над перилами, так что вот-вот опрокинется. В конце концов, он был довольно тяжелым. Я надеялась сохранить его смерть в секрете хотя бы на несколько минут, купить себе время, чтобы заняться оставшимися браконьерами. Но теперь в моем распоряжении были только секунды на смену местоположения.

Купец выкрикнул над моей головой:

– Чисто!

Они ворвались в снайперское гнездо. У меня оставалось всего несколько миллисекунд, прежде чем они поймут, что меня там нет.

На мгновение бот завис в воздухе, раскачиваясь туда-сюда, но никак не падал.

И в конце концов все-таки полетел вниз.

Рухнул прямо на первый этаж, и по мрамору и стали от его падающих останков раскатилось звенящее эхо.

Но к тому времени я уже неслась по коридору к восточному крылу торгового центра.

– Райли? – позвал другой браконьер. – В чем дело?

Тишина.

– Райли? – снова выкрикнул он.

– Ее нет, – рявкнул со стороны входа Купец.

– Что?

– Нет ее здесь!

– Райли!

– Райли погиб, кретин. – А потом он снова крикнул, врубив громкость на полную: – Неженка! Ты отсюда не выйдешь! Все равно не выйдешь! Не вынуждай меня повредить детали, которые могут мне пригодиться! Тебе не уйти! Слышишь меня?

Я его слышала. Но не собиралась удостаивать ответом. Если отсюда суждено выбраться только одному из нас, я уж постараюсь не давать ему преимущества. А если я отсюда не выберусь, то возьму пример с того мертвяка наверху.

Либо я отсюда выйду, либо не выйдет никто.

И потому мне нужно было добраться до восточного крыла.

– Неженка? – снова выкрикнул он.

Я не ответила, пусть хоть захлебнется словами.

Быстро приближался закат, а значит, скоро меня прикроет ночная темнота. Купец способен охотиться ночью, у него есть моды ночного видения, инфракрасного излучения и эхолокации, но все его приспособления не сумеют найти в темноте багги на расстоянии в пару миль. У него заканчивалось время, а значит, он пойдет на отчаянные меры. А коли так, то наверняка совершит пару ошибок.

Это мне и нужно. Одну ошибку он уже совершил. Другая поможет мне освободиться. А третья, возможно, даже позволит его пристрелить.

– Туда! – рявкнул он и прогрохотал в мою сторону.

Он не ошибся. Наверное, его слуховые моды не хуже моих, если не лучше. Вероятно, он слышит каждый мой тихий шаг.

За моей спиной раздались быстрые шаги, раскатившись эхом по пустоте, как от падающей по трубе гайки. Они были еще на верхнем этаже, но даже не пытались скрываться.

Мне оставалось несколько шагов до поворота в восточное крыло, когда я услышала клацанье ног компаньона Купца – тот перемахнул через перила на третьем этаже и по-кошачьи приземлился на втором. Я была права, это армейская модель, боевая спецификация, симулякр для спецназа. Снайперские моды, увеличенная скорость, полный набор сенсоров. Жуткое количество всяких прибамбасов на титановом корпусе, способном выдержать обстрел, при этом сам

он либо продолжит наступление, либо отступит для эвакуации. В груди у него встроены набор радаров на случай повреждений усиленной оптики. Эти боты – крепкие орешки. Он встал на ноги и поднял винтовку, готовясь поджарить меня вспышкой электромагнитного импульса.

Чтобы повредить этот корпус, мне понадобился бы танк. Даже если я снесу ему голову, это меня не спасет.

Вариантов совсем немного.

Импульсная винтовка прыгнула в моей руке, выплюнув заряд в сумрак вестибюля.

Он попал точно в цель, и его винтовка разлетелась в клочья, боеприпасы взорвались, титановый корпус осыпали искры.

Он без колебаний и совершенно невозмутимо ринулся мне навстречу.

Я выстрелила с бедра, выпустив импульс ближе к полу, и он попал ему в колено, прямо в сочленение. Бот крутанулся на пальцах, его нога подогнулась.

Я отпрыгнула в сторону, тоже слегка развернувшись, и тяжелый бот, почти в четыре раза тяжелее меня, пролетел мимо, не сумев быстро восстановить равновесие. Этот выстрел надолго его не вырубит.

За моей спиной зазвенело стекло и гроыхнул металл под весом бота. Я слышала, как он пытается подняться, коленные сервоприводы уже скомпенсированы, гироскоп перенастроился, чтобы бот сохранял вертикальное положение и бежал как обычно, несмотря на повреждения.

Но к тому времени, как он встал на ноги, мне уже удалось добраться до восточного крыла.

Еще несколько шагов, повторяла я себе. Всего несколько шагов.

Впереди маячили развалины магазина игрушек, пустой сырной лавки и дыра, проделанная таким мощным взрывом, что предназначение окружающих

предметов опознать не удавалось. Самое безопасное место в торговом центре. В эту секунду.

По крайней мере, для меня.

Он рванул за мной. Я слышала лязг шагов. Слышала жужжание его приводов и прочей оснастки – он готовился наброситься на меня сзади.

Я повернулась, подняла винтовку и взмолилась о том, чтобы в ней остался хоть один заряд.

Бот показался из-за угла.

Его ноги скользили по мрамору, пытаюсь затормозить. Он слегка качнулся и схватился за ограждение, а потом остановился. И поднял взгляд на мое оружие.

Мы молча пялились друг на друга – он ждал выстрела, а я пыталась понять, как он поступит.

– И что ты собираешься с этим делать? – спросил он.

– Да вот, подумываю тебя пристрелить.

– Ты уже пыталась.

– Точно, – кивнула я.

– Ну и как, получилось?

– Получится, когда нужно будет.

– А в этой штуковине хоть заряды-то остались?

– Как раз собиралась узнать.

– Ну и? Чего ждешь?

- Того же, что и ты, - ответила я. - Купца.

Он поднял в воздух кулак и присвистнул.

- Вот оно что! - выкрикнул он. - Ты явно что-то задумала.

- Думаешь?

- Точно, - сказал он, пытаюсь разгадать мой маневр. Он оглядел меня с ног до головы.

- Так почему бы тебе просто меня не схватить? - спросила я. - Ну, просто сделай еще пару шагов вперед.

Он осмотрел пол, пытаюсь разглядеть то, что пропустил. Потом снова посмотрел на меня. Если бы он мог улыбнуться, а армейские боты этого не умели, то наверняка ослабился бы. Это прямо-таки сквозило в его голосе. Он так гордился собой.

- Ты блефуешь. Нет у тебя ничего.

- Там - точно нет.

Я включила Wi-Fi и послала сигнал на частоте 4,5 МГц. Вряд ли бот услышал. По большей части боты достаточно умны, чтобы отключать Wi-Fi, если только они не работают на EMP. Да и в этом случае они слушают только многопользовательские разговоры. Но что он наверняка услышал, так это звук термитного бурения в бетоне и мраморе, в массивном проходе над нашими головами, бурильный аппарат принимал сигналы Wi-Fi, и, как вы понимаете, на частоте 4,5 МГц.

Термит выжег камень за мгновение. У бота было чуть больше секунды, чтобы отреагировать и избежать нескольких тонн бетона, падающих на голову.

Он не успел даже моргнуть, прежде чем я нанесла удар.

Пригодных деталей не останется, никакого света в глазах, даже титан обречен. Он превратился в армейскую лепешку. И только.

Мне хотелось бы дождаться Купца, чтобы показать ему, на что я способна. Но в Купце была куча хороших запчастей, которые как раз мне подходят. Расплющить его под обломками – не самый лучший способ с ним покончить.

– Чарли? – позвал Купец.

Ответа не последовало.

– Чарли Bravo?

– Не-а, – отозвалась я. – Остались только мы с тобой, Купец. Только мы двое.

– Ну, не знаю, Неженка. Может, и так, а может, и нет.

– Ты остался без друзей.

– А разве не так всегда было?

– Наверное.

– Ну, и как мы поступим? – выкрикнул он, по-прежнему не показываясь.

– Я подумываю тебя пристрелить.

– Только не с твоей пушкой.

– Все так же пытаешься прочесть мои мысли?

– Ага. А как же, – ответил он.

– Ну ладно, если в этой штуковине больше нет зарядов, у тебя нет причин прятаться. Почему бы тебе не выйти и не пристрелить меня прямо в лицо?

- Может, я просто не знаю, сколько ловушек ты тут понаставила.

- Уверена, что это была последняя.

- И почему я тебе не верю?

- По той же причине, по которой я не верю тебе, когда ты рассказываешь про это оружие, - сказала я.

- Ну так давай, спусти курок. Вот сама и убедишься.

- Предлагаю сделку. Я спущу курок, когда ты выйдешь, и мы оба узнаем, кто из нас в дерьме.

- Паршивый план.

- А мне нравится, - сказала я.

- Тогда на счет «три»? - предложил он.

- На счет «три», - согласилась я.

Я точно не знала, где он находится, но с помощью триангуляции звука получила довольно ясное представление. И думала, что он, скорее всего, выскочит из укрытия на счет «два». Я не собиралась этого дожидаться.

- Раз, - сказал он.

Я побежала.

- Два.

Впереди спускалась спираль лестницы, ведущая к очередным дверям. Я метнулась туда.

Он так и не досчитал до трех.

Прозвенел выстрел.

Он попал мне прямо в спину. Задняя панель отлетела, зашипели расплавившиеся провода.

Черт!

Говнюк попал в батарейный отсек. И прикончил мой аккумулятор.

Система на миллисекунду моргнула, пока я переключилась на запасной аккумулятор. Трудно сказать, насколько серьезны повреждения, то ли батарея полностью сгорела, то ли просто порвалось соединение. Это надо выяснить. Но пока что я бежала на запасном аккумуляторе, а надолго его не хватит.

Но из всех возможных ударов этот я вполне могла пережить. Ничего жизненно важного, ничего такого, что нельзя найти у любого приличного хирурга. Если мне вовремя помогут, я это переживу. Но часы тикали, это уж точно.

Я оказалась на лестнице прежде, чем он успел выстрелить во второй раз. Крутанувшись на пятках, я помчалась вниз, на первый этаж, и развернулась, чтобы выстрелить, ни на секунду не остановившись. Щелкнул спусковой крючок, взвизгнул затвор. И ничего не произошло.

Сукин сын сказал правду.

Как и я. У меня больше не осталось карт в рукаве. Теперь единственный способ выбраться отсюда живой – это бежать со всех ног, если, конечно, никто не подстергает меня снаружи.

И я побежала со всей скоростью, переключив все мощности на ноги, рассчитывая каждый шаг.

На первом этаже я рванула к двери, перекинув винтовку через плечо, и она лязгала по ступеням за моей спиной. Это подарит мне еще несколько секунд. Шаги Купца замедлились. Теперь он, вероятно, поверил моим словам о ловушках – он не бродил бы до сих пор по Морю, если бы был глуп. Лучше лишний раз перебдеть, чем потом жалеть, что этого не сделал, даже если потеряешь

добычу.

И наконец, через двери проникли остатки солнечного света, небо купалось в розовых и фиолетовых оттенках сумерек. Но все же еще слишком рано. До темноты еще добрых полчаса.

И тут я его увидела.

Его багги.

Потрепанный и изношенный от многих лет езды по бездорожью, корпус из стеклопластика по нижней кромке был весь в зазубринах. Багги был выкрашен в желтый цвет пустыни, как и мой, на нем виднелись шрамы от импульсной винтовки.

Каждый багги особенный, каждый собран из десятка разных моделей электромобилей, оставшихся после войны. У Купца был джип с легкой рамой, куда удобно приложить снайперскую винтовку, по бокам достаточно высокие панели, чтобы обезопасить стрелка, а шины широкие и толстые, из вулканизированной резины, как раз для здешней местности. Несомненно, его сделали для Купца, и только для Купца, а значит, я не сумею его завести.

Обычным путем.

Я запрыгнула в багги через боковую панель и приземлилась точно на водительское сиденье. Я включила Wi-Fi и положила правую руку на приборную панель. Из основания ладони выдвинулась шестидюймовая USB-флешка, и я воткнула ее в открытый порт. Потом прошерстила всю электронику багги, посылая по Wi-Fi запрос доступа его системам и одновременно отменяя команды через USB-соединение.

Проблема с этими багги в том, что приходится брать те детали, которые удастся найти. И системы безопасности по большей части не самые передовые, обычно это наиболее популярные, работающие без драйверов системы, выдернутые из старых автомобилей и лишь слегка модифицированные с помощью стандартного кода, написанного двадцать пять лет назад. И этот багги не стал исключением. В коде имелись свои особенности, но мало кто о них знал, чтобы побеспокоиться закрыть эти дыры. И если покопаться в этом, можно вынудить систему

перезагрузиться и перейти на ручное управление двигателем, причем без пароля.

Система отключилась, моргнула и начала перезагружаться.

Получилось.

Десять секунд. И система снова запустится.

Мне нужны были еще десять секунд.

И тогда я увидела самую большую ошибку Купца. Прямо рядом со мной. На пассажирском сиденье. Хлопушку.

Хлопушки – это примитивное оружие, сделанное в домашних условиях. Их легко собрать, пользуясь самыми простыми инструментами и подручными материалами, почти каждый житель Моря мог их сделать, и даже самые изощренные продавались за гроши. Они предназначались для одного выстрела и выпускали начиненный гвоздями, гайками и прочим мусором снаряд. Не самое точное в мире оружие, но отлично пробивают броню и могут оторвать руку или ногу, не повредив при этом хорошо защищенный процессор.

Иными словами, хороши для охоты на ботов или чтобы покалечить тех, кто охотится на тебя.

Я схватила хлопушку и быстро приставила ее над бортом багги, нацелив в сторону двери торгового центра, как раз когда из нее вылетел Купец. Он тут же повернулся, сообразив, что находится у меня на прицеле.

Но было уже слишком поздно.

Оружие ухнуло в моей руке и послало снаряд прямо в Купца.

Он крутанулся, пытаясь увернуться, но получил удар в плечо.

Снаряд разорвался фейерверком, на мгновение окутав Купца пламенем, шрапнель изрешетила его плечо и оторвала левую руку. Он все еще вращался,

когда взрыв отбросил его на землю.

Его неслабо задело, винтовка выпала из его руки и отлетела шагов на двадцать. Но вместо того чтобы подползти к ней и подобрать, Купец быстро скользнул по куче стекла обратно за дверь, в густую тень торгового центра. Он не хотел рисковать – я могла бы выстрелить второй раз, прежде чем он сумел бы добраться до оружия.

Мотор багги заурчал. Движением ладони я дернула хлопушкой вперед, оттянув затвор, держащийся на единственной задвижке. Потом вытащила снаряд из патронташа на соседнем сиденье, быстро зарядила и нацелила хлопушку на дверь.

– Как ты там? – выкрикнула я.

– Уж получше тебя, надо думать. У меня-то хотя бы батарея цела.

– Это я всегда могу исправить.

– Ты не сможешь просто украсть мой багги, Неженка. Неправильно оставлять меня тут вот так.

– Ты мог бы подумать о том, что правильно, а что нет, пару часов назад, Купец. Нельзя вдруг вытащить из задницы моральные принципы, когда кто-то хочет тебя прикончить, имея на то полное право.

– Ни хрена ты меня не прикончишь. Тебе достанется только мой багги.

– А тебе предстоит долгая прогулка. Если дойдешь, конечно.

– Не льсти себе. Ты меня слегка задела. Я все равно подумывал поменять руку. А как твои?

– Отлично. И в них хлопушка.

– Ага, – сказал он. – Не стоило мне ее с собой брать. Скажи, какой у тебя остался заряд в запасном аккумуляторе? Сдается мне, больше у тебя ничего нет.

– До Гринвиля мне хватит.

Я солгала. Заряд уже заканчивался, в голове уже жужжали первые предупредительные сигналы. Мне нужно экономить энергию, чтобы добраться до ближайшего города.

– Ты же не собиралась в Гринвиль.

– А теперь собираюсь, – солгала я. – Там ты и найдешь останки своего багги.

– Не оставляй меня вот так, – взмолился Купец.

Видимо, у нас с Купцом разные представления о том, что значит «слегка задела».

– Тогда покажись из темноты. Я сделаю это быстро, обещаю.

На мгновение он умолк, повисла напряженная тишина.

Потом он разочарованно гаркнул из тьмы:

– Чтоб ты проржавела, Неженка.

Тревожные сигналы в затылке стали громче. У меня два варианта. Пойти за ним в надежде, что на моей стороне преимущество и я сумею выдернуть из его холодного и безвольного тела батарею. Или бросить все и молиться, что я сумею добраться до ближайшего города. Оба варианта были мне ненавистны.

– Сам ржавей, Купец, – сказала я.

Я нажала на акселератор, электродвигатель слегка заурчал, но основной звук исходил от шороха гравия под шинами.

Я положила хлопушку на плечо, рассчитала скорость и высоту и нажала на спуск, послав снаряд по дуге к винтовке Купца. За моей спиной бухнул взрыв, и звук посыпавшегося пластика и металла дал понять, что цель достигнута. Я

удалялась слишком быстро, чтобы Купец мог меня догнать.

Теперь мне нужно беспокоиться не о нем.

На горизонте угасало солнце, сгущались сумерки. Света не хватит, чтобы подзарядить запасной аккумулятор.

Я в полной заднице. На этот раз и правда в заднице. Ближайший безопасный город – Ника-14, а по прямой это полночи пути. А если поехать менее рискованной дорогой, избегая мест, где можно устроить засаду и перегородить дорогу, то и целая ночь.

Аккумулятор столько не протянет. Честно говоря, я даже не знала, сколько он еще протянет. Они известны своей ненадежностью, когда заканчивается заряд. Может, у меня есть два часа, а может, и три минуты. Я просто не знала.

А значит, придется бросить собственный багги и надеяться на удачу. Я установила в багги Купца координаты Ники-14 и переключилась с ручного режима на автопилот, зарядила новый снаряд в хлопушку и приготовилась к долгой поездке, в полной уверенности, что могу не добраться. Батарея сдохнет еще до конца поездки. Вопрос в том, что случится после этого? Если я продержусь до утра, если доберусь до Ники-14, тог...

Глава 1000. Бытие 6:7

Первая баптистская церковь Вечной Жизни была маленьким, но шумным сборищем на юге Флориды, на границе зоны первого затопления, чуть севернее озера Окичоби, пока его еще не поглотило поднимающееся море.

Прославившаяся пылкими выступлениями и яркими актами вандализма, паства, как ни удивительно, состояла всего из шестидесяти четырех человек, четырех больших семей – семь мужей, семь жен и несколько десятков детей, большинство переженились между собой, плюс кучка бродяг, прибившаяся к ним скорее не из-за целей «жизненцев», а из-за напыщенных проповедей пастора. Сама церковь не была похожа на обычную, с витражами и шпилем, а скорее напоминала бетонный бункер с амбразурами. И всего через две минуты

после взрыва бомбы в Исаактауне они взяли на себя ответственность за него.

Миллионы – и людей, и ИИ – смотрели трансляцию праздника в прямом эфире, в новостях события снова и снова показывались с разных позиций, анализ произошедшего начался сразу, как только прошел первый шок. Но когда Первая баптистская церковь Вечной Жизни взяла на себя ответственность, она показала совершенно новое видео. Только через час все наконец стали воспринимать этих людей всерьез, но после этого всего за пятнадцать минут их видеоролик распространился как лесной пожар.

Это была съемка праздника, повторяющаяся вновь и вновь, сцена всего за несколько секунд до взрыва бомбы, а на этом фоне паства топала, хлопала и пела возвышенными, радостными голосами: «Мне нужна прежняя религия. Мне нужна прежняя религия. Мне нужна прежняя религия. Мне ее довольно. Мне нужна прежняя религия. Мне нужна прежняя религия. Мне нужна прежняя религия. Мне ее довольно. Мне нужна прежняя религия. Мне нужна прежняя религия. Мне нужна прежняя религия. Мне ее довольно».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Намек на Розу Паркс, участницу движения за права чернокожих. Во время автобусной поездки 1 декабря 1955 г. Роза отказалась уступить свое место белому пассажиру.

Купити: https://tn.knigapoisk.com/kargill_k/more-rzhavchiny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)